

Мария
Метлицкая

Родные люди

Мария Метлицкая
Родные люди
Серия «Драгоценная
коллекция историй»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=57452909

Родные люди : [сборник] / Мария Метлицкая: Эксмо; Москва; 2020

ISBN 978-5-04-115621-3

Аннотация

Жить с камнем за пазухой очень трудно. Груз обиды, несправедливости давит, не дает дышать. А если это обида на близких – трудно вдвойне. Но простить – еще труднее. Да и как простить измену, предательство, обман? Неужели можно забыть унижение, бессонные ночи, страдания? Говорят, умение прощать – дар и дается он немногим. А надо ли вообще прощать? И правду ли говорят, что понять – значит простить? Каждый из героев этой книги решает этот нелегкий вопрос по-своему.

Содержание

Понять, простить	5
Умная женщина Зоя Николаевна	45
Долгосрочная аренда	62
Алик	82
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Мария Метлицкая

Родные люди

В оформлении обложки использована фотография:
AlexMaster / Shutterstock.com Используется по лицензии от
Shutterstock.com

© Метлицкая М., 2020

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Понять, простить

Шура помнила эту сцену очень отчетливо: конец декабря, совсем скоро самый любимый Шурин праздник – Новый год. Мягкий морозец и редкий медленный снег, танцующий под неярким светом фонаря. Они идут с мамой на каток, точнее, в «секцию» – как говорит любимая Асенька, Шурина бабушка. Шура – в коричневой старой и тесноватой цигейковой шубе, переделанной в курточку, и вязаных рейтузах. Через плечо, на шнурках, связанных между собой, перекинуты ботинки с фигурными коньками. Фигурное катание Шура обожает, а вот ботинки ненавидит. Они черные, мальчиковые, доставшиеся Шуре по наследству. Конечно, она мечтает о белых, из блестящей и мягкой на ощупь, волшебной кожи, с хромированными крючками, настоящих, чешского производства. Но мама говорит, что это дорого и не по карману. Да и вообще, надо еще посмотреть, какая из Шуры фигуристка. «Может, от слова «фигу»?» – спрашивает мама и заливисто смеется. Шура слегка обижается, но мама ее целует и просит не дуться.

Сегодня мама почему-то сопровождает Шуру, хотя идти до катка от дома всего каких-нибудь пять минут, мимо детского магазина «Смена». Каток – во дворе красного кирпичного дома у метро. Дом в народе называется генеральским. Там и вправду живут военные, да еще «в чинах». Шура ви-

дит, как из подъезда выходят толстые важные дяденьки в длинных шинелях и их не менее важные жены – тоже крупные, в богатых каракулевых шубах.

Перед выходом Асенька кричит Шуре вслед:

– Держи крепче мать! Скользко!

Шура отвечает:

– Ага! – И на улице хватает маму за локоть.

Мама «в ожидании» – это выражение бабушки Аси. Она вообще, как говорит папа, любит разные «старорежимные» фразочки. У мамы большой живот. Просто огромный. Через месяц ей рожать. Мама любит пошутить и на вопрос «кого ждете?» отвечает «автобус». И при этом заливисто смеется. Шура держит маму за локоть и заботливо на нее смотрит.

– Гляди под ноги, – советует мама. А Шуре нравится смотреть на нее.

Мама очень хорошенькая. Ну просто красавица. Как бы Шура хотела быть на нее похожей! У мамы большие карие глаза, густейшие волнистые темные волосы и «самый очаровательный курносый нос на свете». Так говорит папа. А на носу – редкие конопушки. Мама очень огорчается, когда с первым весенним солнышком их прибавляется, и начинает их пересчитывать. А папа смеется и чмокает маму прямо в курносый нос. Ему нравится в маме все, это видно без всяких слов. И Шура смущается и отводит глаза, когда видит, как в коридоре или на кухне отец украдкой обнимает маму и крепко прижимает ее к себе. Шура мышью шмыгает к себе

в комнату и слышит, как мама вырывается и тихо говорит папе:

– Ну, хватит, Митя, отстань! Сколько можно, ей-богу!

Шуре почему-то становится обидно за отца, и она злится на маму. А вообще у них самая счастливая семья – в этом Шура совершенно уверена.

Шурино папу зовут Дмитрий Владимирович. Он – хирург в военном госпитале, заведующий отделением и подполковник. Отделение называется «торакальная хирургия». Папа написал по этой теме не одну статью и даже главу в пособии для студентов. Говорят, что он лучший специалист в городе. А это совсем не шутки. Рабочий день у него ненормированный, и редко бывает выходной. Папу могут вызвать на работу даже среди ночи – если кому-то вдруг понадобится срочная операция.

Асенька говорит, что еще он «человек кристальной честности», за консультации и операции не берет не то что денег, но и даже презентов в виде коньяка или конфет. Поэтому и живут они скромно, на одну папину зарплату. Тем более что мама сейчас в декрете. Асенька целый день хлопочет на кухне – варит, жарит и печет. Экономит. Папа очень любит поесть, он говорит, что это его единственная, из простительных, слабость. А мама злится на папу за то, что он не требует у своего начальства большую квартиру – они живут в крошечной двухкомнатной, а ведь скоро их будет пятеро. Папа все отмахивается и говорит – потом. А мама с вызовом

спрашивает: «Потом – это когда?»

Наверное, мама тоже хочет жить в генеральском доме. И носить каракулевую шубу с большим воротником. Но папа еще не генерал, а всего-навсего подполковник, так что жить им в генеральском доме пока не положено. Это Шура объясняет непонятливой маме – так она заступает за отца. Но мама фыркает («Отстань!») и, вздохнув, добавляет:

– Много ты понимаешь!

Шура вздыхает и бросает взгляд на свои коньки.

В раздевалке она туго шнурует ботинки, чтобы не болталась нога, и вылетает на лед. Как ей нравится скользить по ровному, блестящему и гладкому льду! Делать «ласточку», и «пистолетик», и «дорожку». И просто кружиться под музыку!

Мама стоит у бортика и машет Шуре рукой. Потом Шура видит возле мамы высокого мужчину в длинном черном пальто. И еще она видит, как оба они неотрывно смотрят на Шурины «пируэты» и о чем-то оживленно разговаривают. Тут Шура отвлекается на Ладку Самсонову, точнее, на ее костюм. У Ладки, конечно, белые ботинки на крючках и еще вязаная белая юбочка с фестонами по краям, белая курточка из кролика и белый беретик, из-под которого выбиваются светлые Ладкины кудри. В общем, сказочная Снегурка, а не Ладка. Так выглядят по телевизору настоящие фигуристки. Правда, катается Ладка не ах. Тренер ее ругает, но все же Ладкой любитесь – это всем заметно. А вот у Шуры сегодня

все получается очень хорошо. Она смотрит на маму, и мама поднимает кверху большой палец.

– Здрóрово!

Шура подъезжает к бортику и вопросительно смотрит на маму. Мамин собеседник улыбается ей и говорит:

– Здравствуй, Шура!

Шура ему отвечает и опять смотрит на маму. Мама говорит:

– Познакомься, Шура, это Андрей Васильевич. Мой старинный приятель.

Шура вежливо кивает.

Потом занятия кончаются, и Шура идет в раздевалку, где Ладка хвастается новым нарядом. Девочки обступают ее плотным кругом, не подходит только Шура – ей противно Ладкино хвастовство.

Шура выходит на улицу и видит, что мама все еще стоит со своим приятелем. Они направляются к дому, и мама объясняет, что Андрей Васильевич пойдет их провожать. Шура удивляется и пожимает плечами. Мама и ее спутник идут чуть впереди, и теперь он держит маму за локоть.

У магазина «Смена» они останавливаются и шепотом о чем-то горячо спорят. Шура стоит в стороне и рассматривает витрину. Потом Андрей Васильевич говорит:

– А пойдем, Шура, заглянем в «Детский мир»? Может, найдем там что-нибудь интересное!

Шура теряется и опять смотрит на маму. Мама машет ру-

кой: иди!

И они идут в магазин. Мама остается ждать их на улице.

В магазине полно народу – это как всегда. Народ снует между прилавками и кассой. Шура немного теряется, а Андрей Васильевич спрашивает, чего ей хочется. Шура смущенно молчит. Тогда он берет ее за руку, и они идут к отделу спорттоваров. Сквозь плотную толпу они наконец пробираются к прилавку. И тут Шура замирает: на полке она видит белые фигурные ботинки. Мягкие даже на вид. С блестящими крючками. У нее начинает учащенно биться сердце, и, осмелев, она кивает: эти!

– Ну вот и славно! – говорит Андрей Васильевич. – То, о чем человек мечтает, обязательно должно исполняться!

Он просит Шуру померить ботинки и даже немного в них пройтись.

– Не жмут? – заботливо спрашивает он.

Шура мотает головой. Потом он долго беседует с продавщицей, и вдобавок к ботинкам та выписывает еще и лезвия, и красивые синие пластмассовые чехлы. Андрей Васильевич берет чек, и они идут в кассу – платить. Но Шурина радость все же омрачена: она боится, что мама расстроится и будет ее ругать. Они получают коробку с коньками и выходят на улицу.

– Дотацишь? – улыбается Андрей Васильевич. Вспотевшая от волнения Шура радостно кивает.

– Купили? – спрашивает мама, и Шура с облегчением ви-

дит, что она совсем не сердится.

Теперь Шура абсолютно счастлива. Она идет впереди и гордо несет в руках большую серую коробку. Андрей Васильевич провожает их до дома, и они опять о чем-то долго говорят с мамой. Шура стоит поодаль. Ей не терпится поскорее прийти домой, померить ботинки и показать их скорее Асеньке и папе. Хотя наверняка папы, как всегда, нет дома.

Потом Андрей Васильевич, почему-то вздыхая, говорит: – Ну, что, давай, Шура, прощаться.

Он протягивает ей руку и смотрит на нее долгим, внимательным и почему-то очень грустным взглядом.

– Прощайся, Шура. – Мама тоже грустно вздыхает. Андрей Васильевич присаживается перед Шурой на корточки, поправляет ей шапку, внимательно на нее смотрит и говорит ей странные слова, которые она почему-то запоминает на всю жизнь:

– Будь здорова, девочка, и будь счастлива. Очень тебя прошу! – И добавляет: – Все твои рекорды еще впереди.

Шура смущается и кивает. Они наконец идут к подъезду, и Шура почему-то оборачивается. Она видит, как Андрей Васильевич пристально смотрит им вслед, кричит ему «Спасибо!» и машет рукой.

Асенька не очень удивляется подарку и почему-то качает головой. Шура на Асеньку даже обижается – та не поделила с ней радость. И еще она, кажется, ругается с мамой: Шура слышит, что мама раздражена и говорит Асеньке, чтобы та

оставила ее в покое.

Папе удастся показать коньки только на следующий день – он, как всегда, приходит домой поздно, когда Шура уже, конечно, спит. Вот папа очень за Шуру рад, и это видно. Только почему-то и он вздыхает и грустно на нее смотрит.

А Шура продолжает мечтать. Она представляет, что снимет нелепую шубу и рейтузы, наденет голубую весеннюю куртку и колготки – у нее есть пара эластичных, выходных, – закрутит на голове плотную, тугую баранку – и плавно заскользит по гладкому льду. И будет она похожа на прекрасную Людмилу Белоусову, лучшую фигуристку на всем земном шаре, и никакая Ладка с ней не сравнится.

Скоро Новый год, все начинают готовиться к празднику. Папа приносит живую елку – огромную, под самый потолок – и достает с антресолей ящик с елочными игрушками. Шура разбирает эти игрушки. Больше всего ей нравятся стеклянные фигурки – лыжница, Снегурочка и Дед Мороз. Шура очень осторожна: игрушки – еще из бабулиного детства, и не дай бог их разбить.

Асенька печет пироги и варит холодец. По всему дому разносятся восхитительные запахи свежей сдобы, лаврового листа и крепкого мясного бульона. Папа раскладывает стол и застилает его нарядной белой скатертью. Мама протирает салфеткой парадные бокалы. В доме пахнет радостью и праздником. А Шура мечтает только об одном: чтобы скорее

закончились праздники и она пошла бы с мамой на каток – ей не терпится надеть новые коньки.

Но после праздников маму увозят в роддом – и через два дня она рождает сестричку Катеньку. Из роддома ее встречают папа и Шура – бабуля готовится к приему нового члена семьи: варит обед, делает влажную уборку и проглаживает пеленки. Мама очень бледная и еле держится на ногах. Она целует Шуру и говорит, что роды были крайне тяжелыми. Дома она сразу ложится в постель, и все начинают хлопотать возле Катеньки: кладут ее на обеденный стол, предварительно постелив на него старое детское Шурино одеяльце, разворачивают тугой маленький сверток.

– Какой чудесный младенец! – говорит Асенька.

Шура с ней абсолютно согласна. Катенька – красавица. У нее карие глазки и бровки «домиком», как у мамы, и густые, совсем не младенческие, темные кудри. И еще гладкие атласные пяточки и умильные крохотные пальчики на руках.

– Очень ладная девочка! – говорит Асенька.

А у папы не сходит с лица счастливая улыбка. Мама лежит в кровати и тоже счастливо улыбается. Счастливы все – это очевидно. Но Шуре кажется, что самая счастливая – точно она. Катеньку она любит больше всех. Страшно признаться, но ей кажется, даже больше мамы.

Катенька не кричит, спит ночами и ест по часам.

– Чудо-ребенок, – говорит мама. – Не то что ты, Шурка, орала по поводу и без.

Шура слегка обижается, а бабуля цыкает на маму и стучит пальцем по виску.

Папа теперь старается прийти с работы пораньше, бежит мыть руки и тоже торопится к Катеньке. Он целует ее крошечные бархатные ножки и перебирает отросшие нежные волосики. А Катенька смеется, открыв влажные перламутровые беззубые десны.

Теперь на каток Шура ходит с мамой и Катенькой, которая лежит в глубокой розовой с белой полосой коляске. После занятий все девчонки обступают коляску с Катенькой и, конечно, завидуют Шуре.

Так проходит остаток зимы и весна, а в мае папа снимает в Загорянке дачу. И как только заканчиваются занятия в школе, на большом крытом грузовике все переезжают туда. Папа приезжает на дачу в пятницу вечером, и мама с коляской и Шурой идут встречать его на станцию.

Это самое счастливое время для Шуры. Она скучает по папе, но знает, что он обязательно привезет ей новую книжку или куклу. И обязательно пирожные к чаю. И скорее всего, черешню в бумажном кулке, которую она так любит. Мама будет его ругать за то, что дорогие ягоды, как всегда, помялись. И еще папа обязательно купит Шуре вафельный стаканчик пломбира с желтой розочкой – самое вкусное на свете. Дома Шура торжественно вытащит из холодильника граненный стакан с земляникой, собранной ею собственноручно в лесу, на поляне, специально для папы. Почти полный

стакан – ну, не хватает чуть-чуть, самую малость, Шура не удержалась и съела несколько ягод. Спать все лягут очень поздно, потому что будут пить на террасе чай и вести долгие семейные разговоры. У Шуры начнут слипаться глаза, и мама станет ее гнать в кровать, а папа разрешит посидеть еще немного. А в субботу они, скорее всего, пойдут на озеро, а вечером будут печь в золе картошку и, может быть, даже жарить шашлыки, если папа привезет подходящее мясо.

Но очень скоро пробежит-пролетит короткое и прекрасное лето и начнется московская жизнь. Тоже, между прочим, не самая плохая.

Школу Шура любит. Есть, конечно, противные учителя – например, трудяша и ботаничка. Но зато есть и другие – русичка Елена Петровна, сестра одного известного, очень известного поэта-фронтовика. Ах, какие она читала ребятам стихи! Или историчка Надежда Львовна. Ее рассказы о Древнем мире или Крестовых походах слушали открыв рот даже отпетые двоечники. А математичка Ида Давыдовна! Даже при всей нелюбви к математике на ее уроках Шуре никогда не было скучно.

Да и вообще, старая, темного кирпича, уютная школа, с густым, словно припорошенным весной снегом, яблоневым садом. Любимая классная руководительница Инна Ивановна. Театральный кружок по вечерам в пятницу. Походы в Третьяковку или в Пушкинский. Какао и пирожки с повидлом в школьном буфете. А вечера патриотической песни в

актовом зале, где натерты до блеска полы и вкусно пахнет мастикой? А гулянье во дворе? А «классики», «казаки-разбойники» и «прятки»? И «секретики» из фантиков и цветной фольги, зарытые во дворе...

А еще можно сбегать к метро за фруктовым стаканчиком и поглазеть на цыганок в пестрых юбках, с младенчиками, замотанными в платки и привязанными сзади к материнской спине. Цыганок много, целая стая. Они громко галдят, ругаются между собой на своем языке и продают красные леденцы на палочках – петухов и медведей. Леденцы прозрачные, как стекло, и Шура мечтает их попробовать, но мама ей категорически это запрещает. К цыганкам подходит молодой безусый милиционер и пытается их разогнать, но они совсем не боятся и дружно кричат на него – все вместе.

К метро Шура бежит с Динкой и Розкой, двойняшками. Мама говорит, что они – «бедные девочки». Бедные потому, что очень некрасивые. Шура с мамой спорит и обижается за подружек, но в душе с мамой согласна – двойняшки и вправду совсем не симпатичные. А насчет «бедные» – это вообще смешно. Динка и Розка живут в генеральском доме в большой трехкомнатной квартире, где у них своя комната. Еще у них есть домработница Валя. Мать двойняшек, Белла Арнольдовна, не работает. Она расхаживает в шелковом халате, с кремом на лице и раздает указания Вале. Валя готовит, гладит, убирает квартиру и гуляет с собакой Кузькой. Что делает Белла Арнольдовна, Шура не понимает. Белла Арноль-

довна ходит по квартире с телефоном и беседует день напролет. Ей делают массаж, педикюр и маникюр, косметичка и педикюрша ходят к ней на дом. В доме у них красиво и богато – это Шура понимает. На полах – ковры, на стенах – картины, на комоды – вазы.

Отец Динки и Розки – директор магазина «Диета», лучшего, между прочим, магазина в районе. В школьный буфет двойняшки не ходят, а едят на перемене восхитительные бутерброды с ветчиной и копченой колбасой. У Шуры от вида и запаха этих бутербродов кружится голова. Подруги предлагают Шуре половину, но Шура гордо отказывается и бежит в буфет за пирожками. Иногда Шура приходит в гости к сестрам, и девочки предлагают ей испечь печенье или пончики. Несмотря на огромную библиотеку, любимая книга сестер – «Книга о вкусной и здоровой пище», очень тяжелая, с цветными картинками. Девочки увлеченно ее листают и выбирают рецепты. Потом они приступают к делу, и по кухне летает мучная пыль. Печенье, как правило, не получается, и домработница Валя переживает, что они напрасно перевели продукты. Но Белла Арнольдовна девочек не ругает.

В классе случается страшное событие – умирает Лара Орлова. Узкий голубой гроб стоит во дворе Лариного дома на трех табуретках. Лара, худенькая и бледная, лежит в гробу, словно заснувшая принцесса. Снежинки медленно падают на ее спокойное лицо и не тают. Девочки держат друг друга за руки и боятся подойти к гробу поближе. Им и страшно, и

интересно одновременно. Лару провожает весь класс и все учителя. Учителя плачут, а дети стоят в оцепенении – они еще не очень понимают, что такое смерть. Шура видит Ларину мать – ее с двух сторон держат под руки, но она все равно оседает на землю.

Потом девочки сидят в детской у двойняшек и обсуждают Ларины похороны. Валя тяжело вздыхает и говорит, что бог дал, бог и взял. Белла Арнольдовна кричит, что Валя темная и деревенская дура, прижимает к себе детей, плачет и выносит коробку шоколадного зефира. Обед отменяется. Белла спрашивает у Шуры про родителей и Катеньку и, закатывая глаза, говорит, что Шурин папа, такой специалист, мог бы жить как сыр в масле. Она трагически обводит взглядом свои ковры, мебель и хрусталь, вздыхая, прибавляет:

– Есть еще приличные люди на свете!

И непонятно, осуждает она этих самых приличных людей или восторгается ими.

Белла Арнольдовна опять тяжело вздыхает, просит Валю сварить кофе и отправляется в спальню отдыхать.

Шурина мама собирается выходить на работу. Эта тема обсуждается на семейном совете. Папа категорически против. Он считает, что мама должна сидеть дома и заниматься детьми. У мамы свои аргументы – она говорит, что на одну зарплату жить невозможно. Последнее слово, как всегда, остается за бабулей. Она твердо и сухо объявляет, что ни в какой детский сад она Катеньку не отдаст и готова с

ней сидеть дома. Мама пытается сопротивляться, но довольно быстро соглашается. У мамы улучшается настроение, она достает из шкафа юбки и блузки, приводит их в порядок – подшивает, стирает и гладит. Расстраивается, потому что пополнила и ни во что не влезает. Папа смеется, говорит, что это знак свыше, и еще говорит маме, что она все равно – самая красивая. Шура с ним абсолютно согласна, а мама почему-то злится и плачет.

Мама идет работать в проектный институт чертежницей. Это очень удобно – институт находится прямо в их доме, только в другом крыле. И даже на обед мама прибегает домой. На маме узкая черная юбочка, голубая, «в огурцах», кофта, и от нее вкусно пахнет польскими духами «Быть может». Шура, кстати, иногда открывает узкий флакончик и капает себе на палец. Очень приятно и пахнет мамой.

По утрам у них сумасшедший дом. Мама, как всегда, опаздывает, носится по квартире, не успевает позавтракать, хватая из кровати сонную Катеньку, начинает ее целовать и почему-то опять шмыгает носом. Папа ждет ее у двери, смотрит на часы и нервничает. А потом хватает ее за руку, и они наконец уходят.

– Выкатились, слава богу! – вздыхает Асенька и кормит внушек завтраком.

В школе Динка и Розка налетают на Шуру и таинственно шепчут, что в «Детский мир» завезли потрясающие кофты. Вязаные, китайские, с вышитыми на груди розочками. Всех

цветов – и белые, и розовые, и голубые, и салатовые. Сказка, а не кофты. Как говорит Белла Арнольдовна, и в пир, и в мир, и в добрые люди. Кстати, она дочкам купила уже по две на каждую, понятно, разных цветов.

– Дорогие, наверно? – осторожно спрашивает Шура.

– А, ерунда, по двадцать рублей, – небрежно отвечает Динка.

«Ерунда!» – вздыхает про себя Шура. Ну, какая же это ерунда? Но после уроков девочки бегут в магазин. Шура замирает: от кофт и вправду невозможно отвести глаз. Шуре нравится бледно-голубая, с синими розами и перламутровыми пуговицами.

Вечером, набравшись духу, подождав, пока мама отдохнется и придет после работы в себя, Шура осторожно заводит разговор про вожаделенную кофту. Мама почему-то совсем не сердится, только вздыхает, тяжело поднимается с дивана и говорит Шуре:

– Пойдем.

Потом пересчитывает деньги и откладывает в кошелек двадцать рублей.

До закрытия магазина – полчаса, и народу к вечеру там совсем немного. Шура подводит маму к прилавку, и они начинают выбирать. Мама говорит, что голубая кофта простовата, и если брать, то, несомненно, желтую. Шура вздыхает и соглашается. Желтая определенно лучше, чем никакая. Мама направляется к кассе, а продавщица уже заворачивает в

бумагу желтое, в розочках, чудо. Вдруг Шура слышит мамин крик и понимает: что-то случилось. Она бросается к кассе и видит, что мама плачет.

– Кошелек вытащили, Шурка! – говорит мама и вытирает ладонью слезы.

Вокруг мамы толпятся зеваки и продавщицы. Все утешают ее, а про Шуру никто не вспоминает. Шура одна-одинешенька со своим горем. Потом мама берет Шуру за руки и резко бросает:

– Идем!

По дороге они обе режут в голос. Папа уже дома. Он сидит за столом и ест жареную картошку. Услышав их рассказ, Асенька всплескивает руками, а папа смеется.

– Тоже мне беда! – говорит он.

Ночью Шура, конечно, не спит. Настроение – хуже некуда. Она еще немножко плачет и под утро засыпает. И снятся ей Динка и Розка, понятное дело, в новых кофтах.

День проходит тоскливо – не хочется ни обедать, ни гулять, ни делать уроки. Вечером приходит папа – совсем не поздно, Шура еще не спит. Он заходит к ней в комнату и кладет на кровать бумажный пакет. В пакете кофта. И не желтая, а голубая. Та самая, из Шуриных снов. Шура бросается к папе на шею и целует его.

– Ты самый лучший на свете! – кричит Шура.

А папа опять смеется:

– Носи, Шуренок, на радость!

И нет человека счастливей, чем Шура. Она меряет кофту и крутится перед зеркалом.

Вскоре случается одна странная история, которую Шура постарается сразу забыть. У метро, куда девчонки побежали за мороженым, она видит маму. Мама стоит с каким-то мужчиной, и он держит ее за руку. Не просто так, а со значением, как сказала бы Асенька. Шура это понимает. Она скорее старается увести двойняшек подальше, чтобы они ничего не заметили. Шура старается об этом не думать, но все равно у нее перед глазами стоят эти двое. Стоят, замерев, и смотрят друг на друга. И похоже, не видят вокруг никого. Мужчина кажется Шуре смутно знакомым, но положила руку на сердце она его не очень-то разглядела.

А дома тем временем тоже творится неладное. От Шуры скрывают, но она все видит. Мама часто запирается в ванной и плачет – Шура слышит. Бабуля колотится в дверь, но мама не открывает. А папа, проходя мимо, говорит Асеньке, чтобы та оставила маму в покое.

Потом мама уезжает в командировку. И все это как-то очень странно. Асенька с мамой в ссоре, и папа ходит мрачнее тучи.

– Не останавливай меня, – говорит мама бабуле. – Все равно уеду.

Мама приезжает через несколько дней. С ней творится что-то непонятное. Она то плачет, то смеется, то целует Шуру, то говорит «отстань». Шура беспокоится, что мама боле-

ет, но нет – она снова ходит на работу.

Летом опять снимают дачу. И снова по пятницам Шура с Катенькой встречают маму и папу на станции. Только они оба какие-то грустные. Мама почти ничего не ест, все лежит в гамаке и курит. Папа пьет на террасе чай, и Асенька, вздыхая, говорит: «Ушел из дома покой», а папа ничего не отвечает. Шура все это слышит, но она занята важным делом: нанизывает на нитку ягоды рябины, делает Катеньке бусы.

В августе собираются на море, но ничего не получается. Папа не может уйти с работы – не на кого оставить отделение. Шура и Катенька очень расстраиваются, а мама говорит:

– Ну и слава богу! Не очень-то и хотелось.

В сентябре снова начинается школа. Динка и Розка, заведя Шуру в угол, жарко шепчут ей на ухо, что они, скорее всего, скоро уедут.

– У папы неприятности, – объясняет Динка.

– Очень крупные, – подтверждает Розка, и обе они делают большие глаза.

– Куда уедете? – понимая, что это страшная тайна, тихо спрашивает Шура.

– Туда, – многозначительно хором отвечают сестры и почему-то поднимают глаза к небу.

– Но это же очень страшно! – пугается Шура.

– Страшнее, чем здесь, не бывает, – трагическим голосом отвечают двойняшки.

Шура мало что понимает, но заранее расстраивается –

расставаться с подружками ей совсем не хочется.

Она почти совсем забросила коньки – ходит на каток изредка, по воскресеньям, покататься для себя. Теперь ее больше увлекает театральный кружок и факультативы по химии.

Дома совсем грустно: мама больше не поет по утрам, бабуля все чаще мучается давлением, и папа по утрам делает ей уколы. Мама тоже часто берет больничный и подолгу лежит у себя в комнате на диване и просит ее не беспокоить, а папа еще больше проводит времени на работе.

Иногда, примерно раз в полгода, мама уезжает в командировку. Она долго собирается и просит Беллу Арнольдовну, маму Динки и Розки, достать ей консервы, копченую колбасу, индийский чай и растворимый кофе. Это странно, раньше она с такими просьбами к Белле не обращалась. Уезжает она примерно на неделю, и папа отвозит ее на вокзал. Асенька почти совсем не встает. Шура водит Катеньку в детский сад и кружок бальных танцев.

Динку и Розку на комсомольском собрании с позором выгоняют из комсомольцев. Шура на собрание не идет. На классном часе классная объявляет Динку и Розку предателями родины. Шура опускает глаза, а сестры смеются. Динка с Розкой с родителями уезжают в Америку, от греха подальше, как говорит Белла Арнольдовна. Из Америки они присылают Шуре короткие письма на очень тонкой, почти прозрачной бумаге с цветными бабочками в углу. Шура этих бабочек вырезает и наклеивает на обложку тетрадей.

Умирает Асенька – ночью, во сне. Шура помнит, как в голос, громко плачет мама и просит у бабули за что-то прощения. Еще Шура помнит, что в комнате стоит красный с черным гроб и в гробу лежит Асенька, почему-то очень маленькая, совсем как ребенок, только в белом платочке на голове, ее очень трудно узнать, никогда раньше платков Асенька не носила. Но папа говорит, что так положено. Он просит Шуру подойти к бабуле и попрощаться и объясняет, что ничего страшного в смерти нет. Но Шура все равно боится.

На кладбище Шуру не берут, она остается с сестрой. Соседки пекут блины и накрывают на стол – с кладбища все приедут поминать Асеньку. На поминках Шура видит, что мама пьет много водки и папа ее все останавливает, но она продолжает пить. Маме становится плохо, соседка ведет ее в ванную и ставит под холодный душ. А мама вырывается, кричит и зовет папу, но папа почему-то не выходит из своей комнаты. Шуре жалко и маму, и папу и еще неловко за маму. Она горько плачет по Асеньке и всем своим детским сердцем понимает, что прежняя, прекрасная жизнь закончилась безвозвратно и никогда их семья не будет жить спокойно и счастливо.

Да что там счастье! В дом приходит настоящая беда, огромная, как весь земной шар. Мама начинает пить. Она уже совсем не похожа на прежнюю маму – добрую, красивую и веселую. Она запирается у себя в комнате и пьет, а потом целый день спит. В доме нет ни обеда, ни ужина, в доме

грязь и разруха. После школы Шура пытается прибраться и сварить обед. Получается плохо – Асенька ничему не успела ее научить. И потом, еще очень много уроков – последний, десятый класс. Вечером она забирает сестру из детского сада и подолгу с ней гуляет, чтобы как можно дольше не идти домой. Катенька хочет есть, и Шура в кулинарии покупает ей булку с холодной серой котлетой и стакан сока.

Папа борется с мамой всеми силами – кладет в больницу и санаторий, делает уколы и кормит с ложечки, объясняет Шу-ре, что это болезнь, и просит маму пожалеть. Но Шура ничего поделать с собой не может – она почти ненавидит маму, и ей страшно от этих мыслей. Она винит во всем ее, а папу как раз жалеет. Мама ходит по квартире как тень, худющая, с растрепанными волосами и черными кругами под глазами. Шура старается на нее не смотреть. Впрочем, иногда, после больницы, мама приходит в себя – идет в парикмахерскую, красит волосы, покупает новое пальто или туфли, снова красит губы и душит духами. И опять куда-то собирается. Пакует сумку с продуктами и папиросами, покупает у бабулек на рынке теплые носки и шерстяные варежки. И снова папа везет ее на вокзал.

Шура уже не ребенок, и она отчетливо понимает, что все это какая-то большая и страшная тайна. Какие командировки? Мама давно ушла с работы. Она спрашивает у отца, куда едет мать, а он молчит и говорит Шуре, что это мамина тайна и рассказать об этом должна сама мама. Но разговора не по-

лучается – мама возвращается из поездки и снова начинает пить. И опять бродит по квартире как тень.

В августе Шура поступает в МАИ, это совсем рядом с домом. Катеньку папа устраивает в китайский интернат. Теперь Шура забирает сестру на выходные домой, но Катенька ехать домой не хочет. Шура ходит с ней в музей или в кино, и Катенька просит, чтобы Шура отвезла ее поскорее обратно.

Папа очень постарел и изменился. Теперь он еще и преподает студентам – денег, как всегда, не хватает. А нужно многое: путевки в санаторий для мамы, одежда и фрукты для Катеньки, новые сапоги и зимнее пальто для Шуры.

Шуре очень нравится в институте. У них образовалась большая и дружная компания, и после лекций все не спешит расставаться и идут в кино или к кому-нибудь домой. Не зовет к себе только Шура, ссылаясь на то, что сильно болеет мама.

В декабре Шура влюбляется и через месяц выходит замуж. Ей очень хочется уйти из дома и начать свою, взрослую жизнь. Ее молодого мужа зовут Миша, он ее одноклассник. Им так здорово вместе: они бегают в театр на «лишний билетик», не пропускают ни одной выставки и бардовских выступлений по клубам. Замечательно, что у Миши есть своя комната – в коммуналке на Чистых прудах. Там, конечно, пыль и разруха, но Шура наводит чистоту и блеск. В доме все время люди – поют песни под гитару, общаются, и Шура не успевает нарезать винегрет и варить глинтвейн из дешевого

болгарского вина.

Живут они с Мишкой дружно и весело, как положено студентам. На выходные Шура старается забрать Катеньку к себе. Иногда, по субботам, к ним заезжает папа, как всегда, с огромной сумкой продуктов. Но в воскресенье они зовут гостей – и опять в холодильнике пусто, однако это их несколько не огорчает. Домой Шура почти не заезжает. Ее, конечно, мучает совесть, но она все откладывает эти визиты «на потом».

На летние каникулы они большой компанией уезжают в Коктебель. Снимают крошечную душную комнатенку – и удобства их вовсе не заботят. На пляже они играют в волейбол и подкидного дурака, а вечерами пьют во дворе дешевое и кислое молодое вино и жарят шашлыки. Все счастливы и беззаботны, как бывает только в ранней молодости.

Телеграмму о смерти мамы Шура получает за три дня до отъезда. Они бросаются на вокзал и пытаются поменять билет, но страждущих с подобными телеграммами – целая очередь. Они ночуют на вокзале две ночи, и наконец им удается поменять билет. Поезд дополнительный. В нем разбиты стекла и нет постельного белья. Но Шуру это не волнует. Она целый день стоит в тамбуре и смотрит в окно.

На похороны они не успевают. Первое, что Шура видит дома, – отца на кухне. Перед ним – фотография мамы и початая бутылка водки.

– Шуренок! – восклицает отец и, уронив голову в руки,

начинает плакать. Шура садится возле него и гладит его по голове. Мишка растерянно топчется в дверях. Они, конечно, остаются ночевать. Отец и Мишка опять пьют, а Шура нарезает немудреную закуску, варит картошку и уговаривает отца хотя бы немного поесть. Он плачет, мычит что-то невразумительное и все время рассказывает, какая красивая лежала в гробу Шурина мать.

Шурина семейная жизнь как-то постепенно начинает терять ясные очертания. Отношения с мужем Мишкой все больше принимают характер дружеских. Им по-прежнему хорошо друг с другом, но все чаще они созывают шумные компании, и все реже им хочется остаться друг с другом наедине. Оба они чувствуют, что их скороспелый и бездумный студенческий брак дает непоправимую трещину.

Летом Мишка уехал на халтуру куда-то под Керчь, строить пионерский лагерь, а через полтора месяца написал Шууре, что у него закрутился роман с поварихой – студенткой ленинградского педа. Объяснял, что все серьезно, серьезнее не бывает. Но был благороден – в связи с его переводом и переездом в Питер к этой самой девице он написал Шууре, что жить она может в его комнате, только пусть не забывает платить коммунальные.

Шура прочла письмо без волнения и даже удивилась своему спокойствию и равнодушию. Мужа, теперь уже бывшего, она совсем не осуждала и в глубине души была рада такой быстрой и легкой развязке.

Она обрадовалась одиночеству и в ближайшее время романов решила не заводить. По выходным забирала Катеньку из интерната, и они ехали к отцу. Все вместе, втроем, они ездили на кладбище. Катенька отреагировала на смерть матери спокойно, видимо, привыкла обходиться без нее. А отец горевал безутешно. Долго не уходил с кладбища и все гладил мамину фотографию.

Шура окончила институт и пошла работать в проектный институт. Работа была монотонная и неинтересная, и ей все время казалось, что она проживает жизнь бездарно и пусто. Год спустя у нее случился служебный роман, но предмет ее воздыханий был прочно женат, имел двухлетнего сына и психически неуравновешенную жену, и потому их встречи были нечасты и печальны для Шуры. Он неловко смотрел на часы, а она расстраивалась и начинала плакать. Время для их торопливых и скомканных свиданий выкраивалось нечасто, и было в них больше грусти, чем радости.

Года через два с начала их романа он попытался уйти из семьи и явился к Шуре с чемоданом, но спустя три недели вернулся к жене. Волевым решением Шура положила с ним расстаться – не тут-то было, спустя пару месяцев все закрутилось по новой. Она отчетливо понимала, что это путь в никуда, одна сплошная боль и потеря здоровья и времени. И конечно, было невыносимо видеть друг друга каждый день.

Шура ушла с работы. Новое место находилось довольно далеко от дома, но она даже была рада этому обстоятельству

– приползала домой еле живая, и на дурацкие мысли и страдания совсем не оставалось сил.

Однажды среди недели позвонил отец и попросил приехать. Она приехала после работы, замученная и усталая, но, увидев отца в полном здравии, как-то сразу успокоилась.

Отец жарил на кухне картошку. Шура сняла пальто и сапоги и прилегла на диван, но он позвал ее ужинать. На столе стояла бутылка водки. Отец разложил картошку по тарелкам, крупно нарезал репчатый лук и открыл банку сайры. Потом налил водки – себе и Шуру.

– По какому поводу гуляем? – удивилась она.

Отец не ответил и опрокинул стопку. Потом он долго и молча ел, побрякивая от удовольствия, и молчал. Молчала и Шура. От водки потеплело внутри и еще больше захотелось спать. Наконец отец доел картошку, откинулся на стуле, закурил и внимательно посмотрел на Шуру.

– Есть разговор, Шуренок, – сказал он. И добавил: – Очень важный разговор.

Шура вздохнула.

– Ну, пап, не томи! Сколько можно!

Отец налил себе еще стопку.

– Для храбрости? – усмехнулась Шура.

– Именно так, Шуренок, представь себе. Для храбрости.

Он опять замолчал и прикурил новую сигарету.

– В общем, так, девочка, – начал он. – Только молчи и

слушай. И не перебивай, если сможешь.

Шура вздохнула и кивнула.

– Тебе надо ехать в Архангельск, Шура. Незамедлительно ехать. Билет я уже взял. Он на столе в прихожей. Билет удобный – в поезде выплешься. На работе придется взять отгулы, дня на три или четыре, как сможешь.

Шура удивленно вскинула брови.

– Какой Архангельск, пап? Ты о чем?

Отец подошел к окну и открыл форточку.

– В Архангельск, Шуренок, – повторил он. – В Архангельске живет твой отец. Точнее, умирает. Диагноз мне известен. Плохой диагноз, Шура. Очень плохой. Короче говоря, тебе надо успеть.

Отец стоял к Шуре спиной и смотрел в окно.

– Пап! – жалобно сказала она. – Объясни, пожалуйста, пап, ну, я тебя очень прошу! Что за бред, пап! Какой отец, какой диагноз? – Она всхлипнула и закрыла лицо руками.

Отец сел за стол и разлил по стопкам водку – себе и Шуре. Молча выпили.

– История древняя, Шуренок. Такая древняя, что даже древней тебя, – улыбнулся он. – Говорить мне будет непросто. Это мягко говоря. Я прошу одного: слушать и не перебивать. Все вопросы – потом.

Шура кивнула.

– В общем, эта история началась давно. До твоего рождения, естественно. Мама окончила техникум и уехала отды-

хоть. На море. Денег тогда совсем не было, и Асенька снесла в ломбард свои золотые часы. Поехала она с подружкой, была у нее такая Света Семенова. Потом жизнь их развела, ты ее не знала. Но это и неважно. – Отец встал, подошел к окну и закрыл форточку. – Выбрали они Бердянск, курорт недорогой и обильный. Сняли комнатуху в слободке. От моря далековато, но зато дешевле. Купались, загора-ли. Бегали в киношку – ну, в общем, как обычно. Кавалеры кружились роем – оно и понятно: две молодые, хорошенькие москвички. Да что там хорошенькие – мама была тогда просто красавица. Впрочем, почему тогда? Она всегда была красавица. Всю свою не очень счастливую жизнь. – Отец грустно усмехнулся. – Кавалеры кавалерами, но мама держалась в стороне. Она всегда была осторожна и избирательна. Отпуск подходил к концу, оставалась всего-то неделя. И тут она встретила его. – Отец замолчал и опустил глаза. – Да, его. И совершенно потеряла свою молодую и распрекрасную голову. Ее можно было понять: тридцатитрехлетний красивый мужик, высокий, ладный. В волосах – ранняя проседь. В свои тридцать три – главный инженер большого текстильного комбината где-то под Новосибирском. В Бердянск он приехал на голубой «Волге» – сам заработал, сам купил. Они ездили с мамой на дальнюю косу, на совсем дикий пляж. Пролетела неделя – они не заметили. Нужно разъезжаться – а они не могут разомкнуть рук. Понимают, что это не банальный курортный роман, оба понимают. Но он предельно че-

стен. Сразу, с первого дня знакомства, объяснил ей, что женат. Всерьез и надолго. Есть одна причина – не очень здоровый сын. А если точнее, мальчик серьезно болен, инвалид с детства, еще и слабослышащий – что-то упустили при родах. В общем, полный набор. Да еще и расстояние – сколько верст друг до друга! Он говорил, что любит ее, но будущего у них нет наверняка. Но мама ничего не хотела слушать – она придумывала разные схемы, ей казалось, что все прекрасно можно устроить – в конце концов, самолеты летают, да и поезда еще никто не отменял. Она легко согласилась с тем, что они никогда не смогут быть вместе – ну, в полном смысле слова. Ей было наплевать на расстояния, ее не смущало, что встречаться они смогут крайне редко – хорошо, если в полгода раз. Ее ничего не смущало – она любила и была любима, а это главное. Они разъехались, и началась переписка. Она писала ему «до востребования», а он ей на адрес Светки Семеновой. От Асеньки она все до поры скрывала. Через два месяца он приехал в Москву. На два дня. Поселился в гостинице. Она, естественно, у него. Для матери она придумывала всякие легенды. Эта история длилась почти три года – и всякий раз он предлагал ей расстаться и пробовать устроить свою жизнь. – Отец встал, подошел к плите, налил чайник и поставил его на огонь. – Попьем чайку, Шурка?

Она помотала головой:

– Нет, прошу тебя, дальше.

Отец кивнул и опять сел за стол.

– А потом она забеременела. Тобой. Совершенно сознательно. Он просил ее не оставлять ребенка – не потому, что был подлец, а потому, что имел ужасный опыт – больного сына. А мама и слышать не хотела. Пока она тебя носила, он вел себя безупречно – помогал деньгами и часто прилетал. Она познакомила его с Асенькой. Та, конечно, ситуацию не приняла: взрослый, женатый мужик, Новосибирск, больной ребенок. Винула во всем только его. Высказала ему все – ты же ее знаешь. Он со всем соглашался. Только что это меняло? В общем, ты родилась. Он по-прежнему приезжал и высылал деньги. А бабушка по-прежнему не хотела о нем слышать.

Мы встретились с твоей мамой, когда тебе было полтора года. Случайно, у общих знакомых. Через месяц я сделал ей предложение. В тот день она рассказала мне все про свою жизнь. И еще сказала, что любит того человека, очень сильно любит. Она была абсолютно, безоговорочно честна. Никаких претензий. А я был согласен на любой вариант, на все, только бы она оставалась со мной. Она думала несколько месяцев, а потом согласилась. Конечно, свою роль сыграла Асенька – мы с ней крепко подружились. Она видела во мне мужа, отца и главу семьи. Видела мое отношение к маме и, конечно, к тебе. Это, наверное, и было главное. Тебя я действительно сразу и всем сердцем полюбил. Сначала – как продолжение мамы. А потом – просто, без всяких оговорок. Сразу и навсегда. Ты и вправду была чудесным ребен-

ком – смышленным, послушным и не капризным. Полюбить тебя было совсем нетрудно, ты сама мне в этом помогала. Мама, конечно, все рассказала твоему отцу. Он ответил, что искренне за нее рад. Наверное, ему действительно было бы легче, устрой мама свою судьбу. Но она наверняка ждала от него другой реакции и других слов. А получается, что получила от него карт-бланш. И тогда, только после этого разговора, она дала мне согласие. А я, конечно, был счастлив и совершенно уверен, что все непременно образуется – искренняя и идиотская уверенность влюбленного. В общем, расписались. Свадьбы мама не захотела – оно и понятно. Я, как ты понимаешь, был согласен на все. Жить мы начали вроде бы неплохо... – Отец замолчал и посмотрел в окно. А потом повторил: – Да, неплохо. Мне, признаться, хотелось большего. Впрочем, я знал, на что шел. Твой отец вел себя безупречно: посылал деньги, не приезжал и писем не писал. Короче говоря, делал все, чтобы мамина жизнь наладилась. А потом я тебя удочерил и был совершенно счастлив. И об одном просил маму: чтобы она отказалась от *тех* денег. Брать у кого-то, даже у твоего биологического отца, деньги на свою дочь мне казалось неприличным. О его чувствах я, конечно же, не думал. Он появился спустя несколько лет. Приехал в Москву в командировку. Мама тогда была беременна Катенькой, а ты покоряла ледовое пространство.

Шура усмехнулась.

– Конечно, ничего странного, – продолжал отец. – Он про-

сто захотел увидеть свою дочь. Нормальное желание. В конце концов, он мне не докучал все эти годы, и я все понимал и был совершенно спокоен. — Отец вздохнул и закурил новую сигарету. — Оказалось, что зря. Это в смысле того, что я был спокоен. — Он опять замолчал. — Просто они тогда увидели друг друга — и все покатилося к чертовой матери. Вся жизнь. Вся наша такая налаженная и отлаженная жизнь. Теперь он опять стал прилетать. Не то чтобы часто, но мне хватало. — Он замолчал и скомкал пустую сигаретную пачку.

— А я его помню, — сказала Шура. — Вернее, тот день, ну, когда он купил мне коньки. Его самого я помню плохо — какой-то высокий и худощавый дядька. Ничем особенным он мне не запомнился, кроме коньков, разумеется. Я помню, что я тогда сильно смутилась и очень удивилась. Но мама сказала, что это ее хороший знакомый, старый приятель, что ли. В общем, она меня успокоила.

— Я помню, как ты была счастлива, — усмехнулся отец. — И ругал себя за то, что не сделал этого сам. Дурак, кретин, помешанный на своей работе! Ругал за то, что не сообразил, а ты у меня не просила. А ведь это доставило тебе такую радость! И очень обиделся на маму — она не должна была этого ему позволять. Так я думал тогда и, конечно, был не прав. Она ведь тогда не о моих амбициях думала, а о том, что чувствовал он. И это было правильно. А что еще он мог для тебя сделать? И я ревновал ее сильно. Так ревновал, что сердце заходило. Понимал, что она все равно там, с ним, а не со

мной. Даже после того, как родилась наша общая дочь. – Он замолчал, встал и опять подошел к окну. – Не приведи господь, Шурка, узнать человеку такие муки. Ты знаешь, я не из тех, кто скулит, но, ей-богу, не приведи господь!

Шура кивнула:

– Я все понимаю, пап. – И, помолчав, добавила: – А все ведь считали, что у нас замечательная семья. Все. И я в том числе. Хорошо же вы замечали следы, – горько усмехнулась она.

– Да нет, Шура, это не совсем так, – ответил отец. – У нас действительно была неплохая семья – без скандалов и претензий друг к другу. Мы понимали, что нужно все сохранить, ради детей, разумеется. А что до моих терзаний – так она ничего не могла с собой поделать. Есть что-то такое, что неподвластно человеку. И в конце концов, повторяю: она ничего мне не обещала и была абсолютно честна. А все остальное – мои проблемы. Эту жизнь я выбрал для себя сам. Давай чаю, а, Шуренок? Тем более что водка кончилась. Хорош я, нечего сказать, – усмехнулся он. – Родную дочь спасаю! – Он подошел к плите, снова поставил чайник и засыпал заварки в маленький пузатый заварной, с отколотым носиком, еще Асенькин, наследный и любимый. Налил крутого кипятка, накрыл заварной чайник чистым полотенцем («Пусть настоится») и снова сел за стол. – В общем, смириться со всем этим было непросто, а жить дальше было надо. Помогала работа. Ну, и еще ты и Катюха. Иногда мне каза-

лось, что весь этот кошмар вот-вот закончится. Мама как-то постепенно стала приходить в себя. Или мне так казалось. Хотя нет, так оно и было. Это было понятно только нам двоим – в смысле это была только наша личная, если хочешь, интимная жизнь. Да и потом, все эти хлопоты – ты, Катенька, заботы, дом... Помнишь, она начала тогда вязать?

Шура кивнула. Отец продолжал:

– И вязать, и шить. И училась у Асеньки печь пироги. – Он улыбнулся. – Правда, тесто у нее никогда не всходило, но для этого, наверное, тоже нужен талант. В общем, старалась, как могла. Иногда получалось, но чаще всего нет. И она страдала. Поверь мне, страдала. Пошла на работу, думала, что будет легче. – Отец опять замолчал и открыл новую пачку сигарет. – А дальше... Дальше случилась большая беда, Шура. Очень большая беда. Его, твоего отца, посадили. Было громкое дело, все газеты писали. Хищение в особо крупных размерах, злоупотребление и халатность. Девяносто вторая статья. С конфискацией, разумеется. В общем, пошли обыски и суды. Обыск ничего не дал – у него ничего не нашли и даже удивились, как скромно он живет. Но это роли не сыграло – срок грозил большой, да и дело было показательным. Я уверен, что его подставили – шурувал там главный бухгалтер. Но срок он все равно получил, чтобы другим неповадно было. Правда, немного сыграло роль, что у него был больной ребенок, но все равно хватило – восемь лет. Правда, потом его почти располовинили – пять лет усиленного режима и

три года – «химия». Жена его тогда попала в психушку, сына определили в интернат. В общем, представляешь, что с ним было. С мамой. И с нами со всеми. Но что говорить про нас! Смешно. Вот тогда-то и начались мамины «командировки». Ну, это ты, наверное, помнишь. Ей давали свидания, максимум сутки. Жена его ездить не могла. А потом ты знаешь, Шура, что случилось, – мама начала пить. И я был совершенно бессилен – помочь ей у меня не получалось, сколько бы я ни бился. Все дело в том, что она совсем не хотела, чтобы ей помогали. Она оживала, только когда подходил срок поездки, а в остальное время была абсолютно безучастна ко всему. Ну, это ты помнишь – о чем говорить. Еще смерть Асеньки – мама тоже чувствовала свою вину. Она собиралась поехать к нему насовсем – после того, как его переведут на поселение. И даже сама просила меня положить ее в больницу, понимая, что надо хоть как-то привести себя в порядок. Но получила письмо, где он ей написал, что к нему приехали жена и сын, сняли дом в поселке. Ни врачей, ни условий там нет, но жена приехала, и он ничего с этим поделать не может. Вот после этого мама уже не поднялась – незачем было. Слава богу, ты уже не жила дома и всего этого не видела, да и Катенька жила в интернате. Последние недели были самые страшные – она уже совсем ничего не хотела, ей все было в тягость. Она все время говорила, что устала жить и страдать. И бог ей послал легкую смерть. Смешно говорить, но после последних лет ее жизни это было действительно избавление. – Он помолчал и

спросил: – Знаешь, что меня мучает больше всего, Шурка?
Шура мотнула головой.

– То, что я ничего не смог сделать. Ни заставить ее меня полюбить, ни забыть твоего отца. Ни сделать ее хоть капельку, ну самую малость, счастливой. Ни избавить ее от болезни. Ни облегчить ее страданий. НИ-ЧЕ-ГО, Шурка! Я не смог ничего сделать. А говорят еще – сила любви. Значит, у нее она была, эта сила, а мне не хватило. Выходит, что так. – Отец замолчал. – И вообще, в этой истории победителей нет. Одни проигравшие.

– И ты еще винишь себя? – сказала Шура. – А про свою жизнь ты подумал? Про свою исковерканную и покореженную жизнь? Какое чувство вины, пап? Разве ты не делал все, что мог? И даже то, чего не мог? И ты еще казнишь себя? Эти двое сами выбрали свою судьбу.

– А я – свою, – ответил он. – И тоже, заметь, добровольно. Так что виновных искать смешно, девочка. Просто ты должна их понять и простить. А для того чтобы простить, надо хотя бы понять. И тебе самой станет легче жить. Господи, мы ведь с тобой забыли про чай! – улыбнулся он и достал чашки (свою – голубую, с золотым ободком, и Шурину – белую, с желтыми ромашками по краю), налил темную, почти черную, сильно настоявшуюся заварку. Потом достал из шкафа банку варенья и смущенно проговорил: – Вот, Леночка угостила, старшая медсестра. У нее дача в Купавне и большой сад. Говорит, в этом году сумасшедший урожай яблок. Со-

всем некуда девать.

Потом они долго пили чай и молчали. Отец опять стоял у окна и смотрел на уже темную, почти чернильную улицу. А потом он как-то собрался, подтянулся и повторил Шура, что надо собираться в дорогу.

– Ты должна поехать, девочка, – настаивал он.

Шура молча мотала головой.

– Должна! – повторил он. – Ты думаешь, его жене было легко просить меня об этом? Но она же это сделала, Шура! И тебе это сделать нужно. В конце концов, ты это сделать просто *должна*.

– Я? – удивилась она. – Нет, пап. Вот здесь ты заблуждаешься. Глубоко заблуждаешься. Ничего я *ему* не должна. И потом, какие у меня перед ним обязательства? Кто он мне такой, в конце концов?

– Шура, ты уже не ребенок. Ты уже взрослая женщина! Со своей, кстати, непростой судьбой. Кто там знает, как сложится жизнь? А про долги – никто никогда не расплатится по счетам, как бы ни старался. На раздумья времени нет, и я не хочу, чтобы в дальнейшем ты о чем-то жалела или не смогла себя простить. Я понимаю, что тебе нелегко, но я тебя хорошо знаю, девочка, и надеюсь на твое благоразумие. – Он улыбнулся и положил свою крупную ладонь на Шурину руку.

– Это вряд ли, пап, – ответила она и убрала свою руку.

– Ну, смотри, – вздохнул он. – Тебе решать.

– Я у тебя останусь? – спросила Шура. – Ехать неохота, да и сил совсем нет.

– Конечно! – кивнул он. – В твоей комнате все постелено. Шура встала со стула, собрала тарелки и чашки и поставила их в мойку.

– Иди, иди, – сказал отец, – я помою.

Она мотнула головой и включила горячую воду.

– Слушай, пап! – обернулась Шура к отцу. – А вот сейчас, сегодня, когда все это уже в прошлой жизни, почему бы тебе не устроить свою судьбу? Ты ведь еще совсем не старый мужчина, полный сил, умный, красивый, талантливый. Кому, как не тебе, а, пап? Нет, правда, послушай!

Он усмехнулся.

– Ну спасибо, конечно, за комплимент. Приятно это слышать из уст молодой и красивой женщины, пусть даже эта женщина – твоя дочь. Я ничего не загадываю, Шурка. Но не подавать же мне свою кандидатуру на брачный рынок, если таковой имеется? И потом, прошлой жизни не бывает, Шуренок, уж ты мне поверь! – Отец улыбнулся, подошел к Шуре и поцеловал ее. – Спать, девочка. Немедленно! Бросай эти плошки к чертовой матери!

В комнате было душно. Шура открыла настежь окно, и тут же ворвался, словно долго ждал этой минуты, прохладный и свежий майский ветер. Шура укрылась одеялом и блаженно вытянула ноги.

«Господи! Как я устала!» – подумала она. И приказала се-

бе отключиться.

– Завтра! – прошептала Шура. Обо всем этом она подумает завтра.

Когда она проснулась, отца уже не было. На кухне, накрытый полотенцем, стоял пузатый бабулин чайник со свежей заваркой. Она умылась, выпила чаю, съела бутерброд с сыром и посмотрела на часы.

«Ну, вот, как всегда, опаздываю», – подумала она. Второпях подкрасила губы, провела щеткой по волосам и накинула плащ, внимательно и критически оглядела себя в зеркало и поправила выбившуюся прядь. «Ну вот – а теперь к метро, и бегом. И хорошо бы, если бы сразу подошел трамвай. Пешком точно не успею». Она протянула руку за ключами и увидела на полочке перед зеркалом почтовый конверт. Она открыла его – в конверте лежал билет на отходящий вечером поезд. В один конец. Она повертела конверт в руках, поразмышляв, положила его в сумочку и выскочила из квартиры.

На улице Шура запахла плащ – утром еще было прохладно, но в город уже окончательно пришла весна. Она побежала на трамвайную остановку, и, на ее счастье, через пару минут подошел трамвай.

«Успею, – подумала Шура. – Слава богу, не опоздаю».

Ей действительно нужно было многое успеть. И ни в коем случае не опоздать.

Умная женщина Зоя Николаевна

Зоя Николаевна считала себя умной женщиной. Если говорить начистоту, даже очень умной. Судите сами: всю жизнь проработать в торговле, от продавца до директора магазина, и ни разу не иметь крупных неприятностей. По-настоящему крупных. Тьфу-тьфу. Конечно, всякое бывало – и ночей не спала, от ужаса тряслась, и взятки давала, да по молодости не только взятки. Все было. Но худо-бедно все разруливала. Все потому, что есть масло в голове. И еще потому, что никогда не зарывалась. Всем жить давала. Но и про себя не забывала, что говорить.

А про дочку? Все опять сделала своими руками. Хоть дочка и сама по себе куколка, ничего не скажешь. Но куколок вон сколько, и что, у каждой жизнь сложилась? Да еще так! Как? А вот так: всех Лидусиных кавалеров строго отслеживала. Всех в дом пускала, со всеми чаи распивала, про семью выводывала, про планы на жизнь.

Один раз, правда, испугалась всерьез – Лидуся влюбилась. Да в такого неподходящего – бандана с черепом на голове, косуха черная с заклепками, и все «это» на мотоцикле. Рокер, короче. Или байкер – Зоя Николаевна путалась. Лидуся на заднее сиденье – прыг, а Зоя Николаевна ночи не спит, валокордин литрами глотает. Чует, дело далеко пойдет. Если не вмешаться.

Вмешалась. Старые связи помогли. Все по пунктам объяснили, как надо действовать. Что Лидусе говорить, чем кого припугнуть, ну и так далее. Нелегко было, но чего для родной дочки не сделаешь. В общем, вынудили того рокера-байкера обратиться по месту прописки в город Волжский. Лидуся плакала, убивалась, за ним вдогонку собралась. Но Зоя Николаевна ее быстренько в Сочи отправила, в «Жемчужину», между прочим, а по приезде шубку норковую на плечи накинула – шоколадную, с отливом. И Лидуся собой в зеркало залюбовалась.

– Ты, мамуся, лучше всех!

Рыдать стала пореже. Если в миноре, губки дрожат, Зоя Николаевна после работы – еле живая, ноги гудят, рухнуть бы на диван всеми восемьюдесятью пятью килограммами – предлагает: Лидуся, хочешь, в ресторанчик пойдем, твой любимый, грузинский? А потом по магазинам прошвырнемся, может, что интересненькое присмотрим. Лидуся минут десять головкой помашет, носиком похлопает – и идет одеваться. А потом и вовсе успокоилась.

Тут Зоя Николаевна взялась ей жениха искать. Была одна клиентка – дочь у той в Германии жила, за немцем. Жила, как царева племянница. И дом в три этажа, и бассейн, и прислуга. На «Мерседесе» рассекает, муж в ней души не чает. А она как пирог непропеченный – белая, рыхлая. Разве с Лидусей сравнить? Если у той, «непропеченной», бассейн, то у Лидуси должно быть как минимум два. Вот с той кли-

енткой и начала она шуры-муры: вырезка парная, сервелат финский, кофе гранулированный из самой Бразилии. Чайку попить в кабинете, по сигаретке под ля-ля. Так фотографии Лидусины ей и подсунула. Та как раз к дочери в гости собиралась. На фотографиях Лидуся то в шубке, то в купальнике. Как есть куколка. Клиентка женишка подобрала. Правда, вдовца и не первой свежести. И даже не второй. Жаба небось задушила получше что-нибудь Лидусе подобрать. Ну да ладно. И так сойдет.

Женишок собрался быстро, не терпелось на Лидусину красоту поближе посмотреть. Через три недели в Москве нарисовался. Похож он был на румяного резинового пупса. Зоя Николаевна стол накрыла, постаралась. На столе – икра, семрюга, лососина, пироги. У немца глаза на лоб полезли. Из подарков привез то, что в самолете не доел, – печенье, сырок, сливки, все кукольное, игрушечное. У Лидуси от этих подарков началась истерика. К себе ушла, сначала даже за стол садиться не хотела. А потом ничего, пришла в себя. Вечером пошли с ним по Москве гулять.

На следующий день «пупс» пришел с цветами и колечком в сафьяновой коробочке. Предложение сделал. Лидуся долго колечко в руках вертела, колечко-то пустяковое, брильянтик – как комар писнул, слова доброго не скажешь, а потом важно так бросила: «Подумаю».

У Зои Николаевны гора с плеч. Боялась, что дочка этой дешевкой в женишка швырнет. И всю ночь напролет Лиду-

сю увещевала да уговаривала, все объяснила: про дом, про «Мерседес», какая жизнь там и какая здесь. Лидуся все плакала и говорила, что ей и здесь неплохо, а под утро согласилась – очень хотелось спать.

И что теперь? На свою жизнь там не нарадуется. Муж в Лидусе души не чает. Дом новый купили, больше прежнего, бассейн, прислуга и садовник. Лидуся целый день в шезлонге полосатом сидит, ногти полирует. Потом вздохнула, настроилась – и дочку мужу родила. Копия он, тоже как гладкий розовый пупс. Немец от счастья совсем ошалел, нанял няню, а Лидусе подарил новую «БМВ», с открывающейся крышей – кабриолет называется. Вот и мотается Лидуся по городу – массаж, парикмахерская, кофе с яблочным штруделем. Дома прислуга с садовником стараются. Ребенок одет и накормлен, обед готов, везде порядок, газон подстрижен, просто как шелк под ногами, гортензии круглым ровным кустом. Плохая жизнь? А все она, мама, низкий ей поклон.

Теперь муж. Вот здесь сложнее. Полюбила его Зоя Николаевна с первого дня – как увидела. Он и вправду был собою хорош: высокий, длинноногий, пальцы тонкие, изящные, шевелюра густая, с ранней проседью, глаза голубые, брови у переносья срослись. Не мужчина – снежный барс. Ходил он почти год к Зоиной соседке студентке Маринке. По ней, Маринке, сох. Та – тоненькая, как прутик, глаза черные, зрачков не видно, и коса по пояс. И все зубрит, зубрит. Врачихой хочет стать. А он вечером после работы придет, сидит

со стаканом бледного чая, курит на кухне – Маринку дожидается. А Зоя как раз котлеты с картошкой жарит. Он смотрит, слюну сглатывает. Зоя ему – хотите котлетку? Он слюну сглотнул и кивнул. Она на тарелочку разложила – справа картошечка, румяная, с корочкой, слева пышная котлетка, сбоку по кромочке огурчик соленый, тонко так, на просвет, нарезан. Барс ест и от умиления головой качает. Так и стала она его вечерами прикармливать, пока Маринка о науку мозги точила.

Однажды в комнату свою пригласила, телевизор посмотреть, время скоротать. Он в кресле расположился, а она ему на столик под правую руку – чаю свежайшего с чабрецом и лимоном, печенья домашнего, еще теплого (яйцо, маргарин, сметана, мука – все через мясорубку). Он чаек прихлебывает, печенье одно за другим в рот отправляет – во рту тает. И по комнате глазами. А там – чистота, придраться не к чему. Занавески накрахмалены, пол натерт, подушки взбиты. Вот он на эти подушки и прилег.

Утром посмотрел на Зою – лицо длинное, лошадиное. Зубы крупные, желтоватые, задница – с какого боку обойти? Вдохнул, вспомнил талию Маринкину и косу по пояс, а пока вспоминал, Зоя ему омлетик пышный соорудила, оладушек напекла, кофе в турочке – все на жостовском подносе и в постель.

Он опять тяжело вздохнул и позавтракал с аппетитом. А Зоя ему рубашечку с вечера выстиранную, утром выглажен-

ную предложила и носки свежие. Он от удовольствия крикнул и поцеловал ее в щеку. По-дружески и с благодарностью. И стал теперь к ней на ужины захаживать. А там и до завтрака не бог весть сколько. Ночь всего. Соседка Маринка удивилась: «Ну, ты, Зойка, даешь». И опять за свои учебники.

Это уже потом, спустя месяцев семь, Зоя Барсу объявила, что она в положении. И твердо добавила, что рожать будет непременно. Невзирая на его планы на жизнь. Даже если он этого ребеночка и не думает признавать. Барс замолчал и исчез. На три месяца. А когда появился, Зоя была уже с большим животом, опухшая, с коричневыми пятнами на лице. Увидел все это Барс – такую некрасивую, громоздкую и гордую Зою, – совесть и жалость поднялись со дна его души и мощным камнем придавили все сомнения, которыми он мучился последние месяцы. Где наша не пропадала! В конце концов, жена из нее будет замечательная, а он при этом останется приличным человеком. А с любовью потом разберемся.

С любовью он начал разбираться сразу после свадьбы, через пару месяцев. С Зоей ему и так все было ясно. Разве он обещал ей любовь? Сначала он вернулся к Маринке-медицке. Зоя быстренько разменяла квартиру. Маринка переехала в Измайлово, а они отправились в Беляево. Разные концы света. Не наездишься. Маринка отпала сама собой. Потом появилась другая, третья – и далее со всеми остановками. Зоя всегда была точно (ну, почти точно) в курсе того,

что происходит. Не ленилась съездить на соперницу посмотреть, все про нее в подробностях узнать. Да и кто ей, Зое, соперница? Только у Барса взгляд застывал, она ему хлоп – новые «Жигули». Была третья модель, стала шестая. Так и до «Волги» дошли, а потом и до иномарок. Как начнет по ночам ворочаться, шумно вздыхать – она ему дубленку новую в шуршащем пакете. Шапку ондатровую на норковую поменяет, магнитофон последней модели на стол, видик на телевизор сверху пристроит. Он и притихает.

Все эти хлопоты ее, конечно, не красили, что там говорить. Постарела здорово – морщины, второй подбородок, в бедрах еще больше раздалась. Теперь и вовсе стала похожа на старую ломовую лошадь. Ни модная стрижка, ни импортные тряпки ее не спасали. А работа? Лошадь она и есть лошадь. Это барс и в старости остается барсом. Хотя с годами и он пообтрепался. Теперь это был седовласый барс с усталыми глазами и больной простатой. Но всегда найдутся желающие и на такую фактуру. Жизнь у него, прямо скажем, была не самая тяжелая – всю дорогу дурака валял в своем НИИ, о деньгах ни разу не задумался – для этого была она, Зоя. А был ли счастлив? Покой и комфорт на одной чаше, а на другой?

В перестройку она свой магазин выкупила и названа его в честь себя – «Зоя». Заслужила. Стала завозить туда деликатесы и салаты в пластиковых баночках. Дела пошли еще лучше, чем в «застой». Хотя покоя как не было, так и нет.

Купила своему Барсу синее кашемировое пальто в пол, клетчатое кашне и подержанный «Мерседес». Он уже почти успокоился и даже смирился, что жизнь его прошла так, а не иначе. Но однажды вдруг случилось с ним непредвиденное. То, чего и сам он уже перестал ждать. Пришла к нему *любовь*. Вот что случилось. Не увлечение, не влюбленность, а именно *любовь*.

И почувствовала Зоя Николаевна сразу: беда! Глаза у Барса засветились нездешним огнем, и отчетливо обозначились на помолодевшем лице скулы. Теперь он поднимал гантели по утрам, бегал трусцой и перестал есть копченую грудинку с яйцами. Зоя Николаевна быстро стала вычислять «предмет». «Предмет» этот обнаружился довольно быстро и даже слегка Зою Николаевну разочаровал. Это была замужняя школьная учительница английского тридцати восьми лет по имени Татьяна. Худенькая, маленькая, белобрысая – в общем, среднестатистическая училка. Таких – миллионы. Но Барсу была нужна только одна конкретная эта. Ни тебе фигуры, ни километровых ног, ни волос по плечам. Джинсы, куртешка, кроссовки. С собачкой вечерами гуляла. Зоя Николаевна курила у подъезда, разглядывала ее. Тонким голоском звенит: «Керри! Ко мне!» Пуделька своего зовет. Проходит в подъезд на своих легких ногах, здоровается, хоть и не знакомы. Воспитанная. Учительница. Это вам не полукопченка и яйцо первой категории, не грузчики пьяные в магазине, не вороватые продавцы, не вымогатели из ОБХСС. Здесь все по-

другому. Дети, родители, цветы к Восьмому марта. Тетради и учебники. Рук не замараешь. Стихи ему, наверное, читает. По ней видно. А что Зоя? Старая рабочая лошадь, которой давно пора на списание или на мясокомбинат на переработку. Отойди, подвинься. Не мешай людям красиво жить.

Приехала домой на больных, отекавших ногах, налила себе коньячку в стакан и подумала: «А ведь бросит он меня». Сердцем чуяла. И за что боролась? Всю жизнь ему дорожку ковровую расстилала, забегала вперед – а он по ней в грязных ботинках. Да ладно бы по дорожке, а то ведь по ней, Зоиной душе. Натоптал – не выметешь, столько грязи. Дочку свою единственную, кровиночку, за пузатого немца отдала. В чужую страну. И где теперь она, дочка, в тяжелую минуту? Внучку свою, опять же единственную, кудрявую и розовую, сколько раз на руках держала? И внучка ее не понимает. По-русски – ни гу-гу. Ни одной колыбельной ей не спела, ни одной сказки не рассказала. Ковры эти, горки, хрустали – для кого старалась? Кому все это надо? Никому. И бороться уже сил не осталось. Вроде бы хлипенькая эта училка, нищая, а вот чувствовала Зоя, что ей с ней не сладить.

Барс пришел в ночи, она не спала.

– Долго шастать будешь? – грубо так спросила.

А он ответил просто, без вступлений:

– Ухожу я, Зоя.

– Ну и вали, – махнула она рукой.

Хватит, гирька до полу дошла.

– В хрущевку пойдешь, с чужим ребенком уроки делать?
Он счастливо кивнул.

Она достала из шкафа чемодан:

– Собирайся, уйдешь сегодня. Хватит. Точка.

– Куда я в ночь? – возмутился Барс. – Да и некуда мне сейчас уйти, у нее там муж.

– Не мои проблемы. Хватит, отрешалась. Теперь сам попробуй. А я одного хочу – покоя.

Барс собрал чемодан и вышел в морозную ночь.

– Вот тебе и умная женщина! – горько усмехнулась Зоя Николаевна.

Утром позвонила Лидусе в Германию. Та взяла трубку и растянула свое «хэллоу».

– Чего хэллокаешь? – зло спросила Зоя.

– А что? – испугалась Лидуся.

– Папаша твой слинял, вот что, – ответила Зоя.

– Куда слинял? – тормозила Лидуся. В Германии была середина дня – Лидуся еще не совсем проснулась.

– К училке, – бросила Зоя.

– Насовсем? – удивилась Лидуся.

– Ага, я ему и вещички собрала.

– Ты что, мать, спятила? – возмутилась Лидуся.

– Да надоело все до смерти, всю жизнь быюсь, а что толку, как волка ни корми...

– Значит, плохо кормила, – заволновалась Лидуся.

В ее голове уже выстроилась ясная картина: мать одна,

всеми брошенная – значит, надо брать к себе, а это в Лиду-
сины планы не входило. Все комнаты в доме распределены –
столовая, гостиная, комната няни, прислуги. Последняя без
окна. Мать туда не поселишь, обидится. И няню не засунешь
– тут же в профсоюз наступит, здесь с этим запросто. Дом
большой, а не развернешься – все спланировано.

В общем, нужно самой в Москву лететь, с папашей, ста-
рым козлом, разбираться. Лидуся собралась быстро. Два че-
модана своих плюс один – для матери подарки. Хоть пора-
дуется. И дочку с собой взяла – все для бабки утешение. И
через три дня в Москве нарисовалась.

Зоя даже не обрадовалась – видеть никого не хотелось, так
и лежала бы на диване лицом к стене. А тут – лишние хлопоты.
Но деваться некуда. Поднялась, поехала на рынок, при-
тащила неподъемные сумки, встала к плите. Два дня варила,
жарила, пекла. На третий поехала в Шереметьево. Лидусю
сразу не узнала. Та поправилась и коротко постриглась. Как-
то опростилась. Типичная немка. Внучка стояла не мигая и
жевала резинку. В глазах ни одной мысли. Круглая, толстая.
Ребенок, а живот торчит. В машине Лидуся тарахтела, отца
поносила на чем свет. Да и матери досталось.

– Всю жизнь его, козла, поила-кормила, по курортам вози-
ла, а теперь, на старости лет, стакан воды подать некому? –
Себя Лидуся из этой конструкции исключила заранее.

Зоя отмахивалась – сил не было.

Дома дочь начала метать из чемодана матери тряпки. Зоя

покорно мерила, но ничему не радовалась. Не человек – автомат. Снимет, другое наденет и стопочкой на стул кладет.

Зоя накрыла стол в столовой. Лидуся ела за обе щеки, постанывала – соскучилась по холодцам и пирогам. А внучка ничего даже не попробовала. На все Лидусины уговоры отвечала одно – «найн». Лидуся откинулась в кресле, закурила и сказала:

– Надо было ей макарон сварить.

– Какие еще макароны, когда столько еды? – удивилась Зоя.

– А она только их и жрет, – спокойно ответила Лидуся.

К чаю Зоя Николаевна подала торт-суфле с ягодами и взбитыми сливками. Девочка слегка оживилась, деловито взяла ложку и стала снимать с торта верхний слой – суфле, ягоды и взбитые сливки. Лидуся не обратила на это никакого внимания, а Зоя Николаевна поперхнулась и впала в ступор. Потом Лидуся с дочкой пошли спать. А Зоя долго убирала со стола, мыла посуду, потом села на стул на кухне, налила себе чаю и посмотрела на торт – от него остался пустой песочный корж. «Вот это и есть моя жизнь, – подумала Зоя, – кому-то сливки и ягоды, а мне, как всегда, пустой сухой корж». Она горько заплакала, вспоминая Барса и нелегкую свою жизнь. Жизнь прошла, прошелестела, от забот огрубели руки, да что там руки, загрубела душа, сплошные рубцы, с чем осталась? А потом зло разобрало: пусть помучится в хрущобе, на зарплату поживет, почует наконец, что почем в этой жизни.

Утром дом перевернулся вверх дном. Лидуся моталась по квартире с сигаретой и телефонной трубкой – отдавала приказы прислуге, развесила везде свои тряпки, орала на дочку. Немецкая внучка сидела перед телевизором с непроницаемым лицом. Зоя сварила манную кашу, накрошила туда банан и натерла яблоко. Поставила тарелку перед внучкой, а та посмотрела на бабушку, как смотрят на сумасшедших. Утром девочка ела чипсы, в обед – макароны, а на ужин – чипсы с макаронами. Зоя была в ужасе, а Лидуся беспечно махнула рукой: «Не бери в голову, мам, они там все такие». Потом Лидуся начала обзванивать московских знакомых – надо же было кому-то продемонстрировать два чемодана нарядов. О своей миротворческой миссии она явно забыла.

Барс позвонил своей любимой и сообщил, что он ушел из дома. Она удивилась и спросила, что теперь будет дальше. Этого он не знал. Он вообще-то не очень умел принимать решения. Этим всегда занималась его бывшая жена Зоя. Вообще-то, надо было бы сказать: «Не волнуйся, любимая, я все устрою и придумаю». А что тут придумаешь с его зарплатой? Предложить временно пожить в машине? Устроиться на другую работу? Да кому он нужен в свои пятьдесят шесть? Панельная хрущевка его возлюбленной с мужем в придачу на две квартиры никак не делилась. Неделью он жил у старого приятеля, но тот предупредил – только неделя, через семь дней приезжает из санатория жена, и жилплощадь нужно освободить.

Хрупкая, но сильная духом учительница в тот же день объяснилась с мужем – жить во лжи ей было невыносимо. Муж, человек интеллигентный, все понял и принял без скандала, полки в холодильнике и в кухонном шкафу поделили. Это – твои, это – мои. Культурные люди. Теперь она спала в комнате с дочкой, а муж занял детскую. Все чинно-благородно.

Подали на развод. Барс теперь жил у другого приятеля, там жена была на месте, но с удовольствием Барса приняла, торжествуя, что тот бросил наконец-то эту наглую торгашку Зойку, которой она в душе всю жизнь завидовала. Встречались Барс и его возлюбленная каждый день, теперь их домом стала машина. Ездили гулять на Воробьевы горы, целовались, как подростки, и он грел своим дыханием тоненькие озябшие пальчики любимой. Все это было мило и очень романтично, но надо было еще и как-то выживать. А этого он делать не умел. Учительница смотрела на него печальными глазами и каждый раз спрашивала: что же дальше?

– Что-нибудь придумаем, – отчаянно врал Барс.

Сколько так могло продолжаться?

Просто Чехов в чистом виде.

Учительница развелась и поделила лицевые счета. Теперь они с бывшим мужем назывались соседями. Можно было позвать Барса жить к себе. Неэтично и неэстетично, но жить-то человеку где-то надо. О размене квартиры Барса с бывшей женой она не упоминала – была благородна. За это он ее

и полюбил. Здесь – нежная фиалка, там – ломовая лошадь. Почувствуйте разницу.

Барс собрал чемодан и пришел в ее дом. С бывшим мужем договорились – в семь завтракает он, в восемь – они. Так же с ужином. Установили расписание в ванной. С туалетом расписания не составишь. Хуже всего было в субботу и в воскресенье, когда все терлись друг о дружку задницами. На работе Барса сократили, и любимая устроила его в школу преподавать ОБЖ (основы безопасности жизнедеятельности). Звучит красиво, но предмет самый идиотский – как себя вести в случае атомной войны.

Лидуся в Москве задержалась. В доме общих знакомых встретила своего рокера – и совсем пропала. Теперь он был никакой не рокер, а вполне успешный и респектабельный бизнесмен в строгом костюме и галстук от Армани. Закрутился сумасшедший роман – они яростно наверстывали упущенное. Возвращаться в Германию Лидуся не собиралась. Написала своему адвокату письмо, чтобы он там все поделил чин чинарем без нее, Лидуси.

Зоя Николаевна ушла с работы и сидела дома со своей молчаливой внучкой. Отдирала ее от телевизора и читала русские народные сказки. Постепенно у девочки появилось осмысленное выражение лица, и она начала улыбаться. Когда внучка заплакала над «Мертвой царевной», Зоя Николаевна поняла: вот где ее ягоды и взбитые сливки. Ездили в зоопарк, катались на пони, гуляли по Кремлю, а на ночь она

ей пела про серенького волчка и подтыкала под ноги одеяло. А однажды утром девочка попросила испечь ей оладьи с яблоками. Так у Зои Николаевны появились внучка, родная душа, и вполне счастливая, помолодевшая, влюбленная дочь.

Барс ушел от учительницы через год после того, как двадцать минут бился в дверь коммунального туалета. Собрался за пятнадцать минут. Учительница стояла лицом к окну и не говорила ни слова. Ей и так все было ясно. Барс завел машину и поехал к Зое. Дверь открыла толстенная кудрявая девочка в джинсовых шортах и крикнула в глубь квартиры: «Ба, к тебе тут какой-то господин».

Зоя вышла в прихожую в переднике и с поварешкой в руке. Она посмотрела на потрепанного Барса, глубоко вздохнула и сказала внучке:

– Поддай деду тапки.

Растерянный Барс стоял в прихожей и глупо и счастливо улыбался.

– Иди мой руки, – сказала ему Зоя, – блины еще горячие.

Барс надел свои клетчатые тапки и сразу почувствовал себя дома.

А летом поехали все вместе на море, в Турцию. Барс с Зоей и внучкой и счастливая Лидуся с бывшим рокером. Большая и счастливая семья. Где все, в общем-то, любили друг друга. Пусть каждый по-своему, кто как умел, но все же любили.

В общем, звание свое – умная женщина – Зоя Николаевна полностью оправдала. С этим не поспоришь.

Долгосрочная аренда

Он делал всегда все так, как ему было удобно. Только ему – ничьи обстоятельства и пожелания никогда не учитывались. А ее и подавно. Как ее всегда это бесило, и как она пыталась с этим бороться! Не выходило ни черта. Домашней киски из нее не получилось, а получился вечный и несостоявшийся борец за справедливость. Подведем итог – конечно же, развод. И развод, надо сказать, случился в то самое время, когда они уже почти совсем выбрались из темной ямы нищеты и можно было наконец попробовать эту жизнь на вкус. Но именно в тот момент, когда он окончательно встал на ноги и смог обеспечивать своей семье вполне достойное существование, именно тогда он абсолютно зарвался. Хамил, требовал, брюзжал. За все эти годы она превратилась в законченную неврастеничку, четко понимая, что ей надо от него спастись. Вопрос стоял именно так – сохранить свою жизнь. Иначе будет поздно.

– Я пока еще у себя осталась, у тебя уже нет, – сформулировала она свою позицию.

Он удивился, поморщился и бросил:

– Как хочешь, но на райскую жизнь не рассчитывай.

Она звонко рассмеялась:

– Ты меня ни с кем не путаешь? И к тому же память у меня неплохая – помню про пачку пельменей на два дня.

Развелись они быстро, без затей. Это всегда просто, когда ничего не делишь. Ей досталась их старая двушка, купленная родителями к свадьбе, а в новый, тогда еще строящийся дом спустя год он въехал уже с новой женой. Как водится, молодой и длинноногой, с хорошеньким и неживым кукольным личиком.

Свой институтский диплом, где значилась профессия модельера-технолога женского платья, она убрала подальше и стала осваивать новую профессию – ушла в риелторство. Рынок жилья стал набирать обороты, и закрутилось – аренды (кратковременные и долгосрочные), продажи, сделки. Стала зарабатывать. Договорились, что к сыну он будет приезжать раз в неделю, по воскресеньям, с утра. Ей это было совсем неудобно. Воскресенье было единственным днем, когда она могла позволить себе поваляться всласть, не красить глаза, не мыть голову, ходить весь день в халате, с толстым слоем питательного крема на лице. Мальчик ее не будил, он вообще был самостоятельным – сам делал себе бутерброды, наливал сок и садился к компьютеру. В этот день они договаривались друг друга не трогать: не говорить про уроки, не смотреть дневник, не требовать борщ на обед – в общем, не травмировать друг друга. Она мечтала просыпаться к одиннадцати, выпивать в постели кофе, листать накопившиеся за трудную неделю журналы и опять проваливаться в самый сладкий полуденный сон. Не выходило. Он сам назначил время – воскресенье в десять утра. Так ему было удобно. А это значи-

ло, что в девять надо было просыпаться, идти в ванную, приводить в порядок волосы, красить глаза, застилать постели, вытирать пыль. Ровно в десять раздавался звонок в дверь – он был крайне пунктуален. Она открывала, и он стоял в проеме – бодрый, гладко выбритый, пахнувший хорошим одеколоном, с приподнятой левой бровью и, как всегда, готовый обрушить на нее ряд претензий и вопросов. Мальчик, еще совсем сонный, уставший за прошедшую трудную неделю, уже ждал в прихожей, одетый, каждый раз с надеждой в глазах.

– Кофе будешь? – дежурно спрашивала она.

– Завтракал, – коротко бросал он.

– Я тебе не завтракать предлагаю, – усмехалась она.

Он заходил в прихожую и молча наблюдал, как она засовывает сонного сына в куртку. Потом он сухо ей кивал, и они с мальчиком уходили. Программа у них была, как правило, однообразной – зоопарк или киношка с мультиками и «Макдоналдс» на закуску. Она подходила к окну, прижималась к холодному стеклу лбом и видела, как они выходят из подъезда и садятся в машину. Почему-то больно сжималось сердце. Она бестолково ходила по квартире, пила кофе, пыталась что-то разложить по местам, щелкала пультом от телевизора, рассеянно листала журналы. И почему-то совсем не находила себе места. Квартира без сына казалась ей пустой и безжизненной. Эти несколько часов тянулись бесконечно долго. Если они задерживались, она начинала звонить

ему на сотовый, а он раздражался и резко отвечал, что не видит причин для беспокойства. Потом он поднимался с сыном на этаж, но из лифта уже не выходил, а она жадно обнимала ребенка, и ей скорее хотелось закрыть дверь в квартиру и остаться с мальчиком наедине. В этот раз бывший муж из лифта вышел и растерянно встал на пороге своей бывшей квартиры. Она начала развязывать мальчику шарф, а он все не уходил и, смущенно усмехаясь, спросил:

– Кофе больше не предлагаешь?

– Да почему же? – удивилась она и кивнула: – Проходи.

Пошла на кухню, включила кофемолку. Он рассеянно заглянул в их бывшую спальню, повертел в руках игрушки в комнате сына и вернулся на кухню.

– Замерз, – смущаясь, объяснил он.

– Не оправдывайся, – откликнулась она.

Он молча пил кофе, курил и, кажется, не торопился, как обычно.

– У тебя что-то не так? – осторожно спросила она.

– У меня многое не так. А у тебя разве нет? – с вызовом спросил он.

– Господи, все ерепенишься, – вздохнула она. – Чем ты сейчас-то недоволен? И бизнес у тебя успешный, и денег полно, и машина – мечта, и жена молодая, а все генерируешь негативную энергию. – Она закурила и с сожалением посмотрела на него.

– Что ты знаешь о моей жизни? – вздохнул он.

– И знать ничего не хочу, ты имеешь то, к чему так сильно стремился. Стремился так отчаянно, как никто. Да и вообще хватит, мы же с тобой договаривались – никаких глубинных тем, только по делу.

– Я не забыл, – резко сказал он и добавил: – А ты изменилась. Спасибо за кофе.

– Это жизнь изменилась, – пожала плечами она.

Он вышел в коридор, надел пальто, крикнул сыну «пока» и хлопнул дверью. Она еще долго сидела на кухне и повторяла про себя: «Все правильно, точно правильно. При чем тут любовь? Вот сейчас еще раз мордой об стол – убедилась?»

И еще он ей долго не простит своей минутной слабости, и те отношения, которые она тщательно выстраивала четыре года, хотя бы похожие на человеческие, та хрупкая и тончайшая грань и черта, вдоль которой они шли осторожно, как по проволоке, опять грозила лопнуть и исчезнуть, перейти в привычную когда-то плоскость взаимных укоров, претензий и обид. «Ну нет, этого я никак не допущу, – грозно пообещала она самой себе. – И ему не позволю». Потом, уже немного успокоившись, она зашла в комнату к сыну – тот прилип к монитору.

– Новая игра, мам! Папа купил, – смущенно, скороговоркой пробормотал мальчик.

Она поцеловала его в жесткую макушку и спросила:

– Обедать будешь?

– Нет, мы поели, мам.

– Опять эти чудовищные булки с котлетой, – вздохнула она.

– Угу, – кивнул мальчик.

– И тебе не до меня, – грустно подытожила она.

Потом она пошла в спальню и закуталась в одеяло – плотно, подоткнув края под себя, – детская привычка. «Надо постараться заснуть – у меня будет тяжелая неделя. Я не позволю ему опять вторгаться на мою территорию. Слишком дорого я заплатила за свой покой. Я не должна жалеть его и думать о нем. За что его-то жалеть? Впору пожалеть себя – одинокая, разведенная и, увы, немолодая женщина».

Он ехал за город на своей распрекрасной машине (господи, если бы мальчишкой он мог себе это представить), ехал в свой красивый и добротный дом, к молодой и длинноногой жене, и не было человека несчастнее его.

«Все нормально, все о'кей, – убеждал он себя. – Я все еще молод, здоров, ну у кого не бывает проблем? Все разрешится, все ерунда». Он лукавил – проблемы были о-го-го какие серьезные. И конечно же, он отчетливо представлял, чем все это может обернуться. А может, пронесет, как бывало не один раз? И еще он ненавидел себя за слабость перед той женщиной. Вот перед ней он не может оказаться неудачником. Не имеет права. Перед ней – нет, а перед своей нынешней женой? Тем более – нет. Он рассмеялся, она и полюбила его за то, что он богатый и сильный, а та – та его за это раз-

любила. Вот так. Он въехал в поселок, и перед ним услужливо поднялся шлагбаум. Пультom он открыл тяжелые чугунные ворота и увидел свой дом во всей красе – светлые бежевые стены, поперечные темные балки, черепичную терракотовую крышу, молодые пушистые сосны и изумрудную яркую лужайку – даже зимой. На минуту замер и залюбовался всем этим. Это был дом его мечты. Он сам его придумал, предусмотрел все мелочи. Ему казалось, что он должен быть в нем счастлив. Он так на это рассчитывал. В кармане пальто заверещал телефон. Номер звонившего был засекречен, но он знал, кто звонит.

– Тебе дали неделю на все, – тихо и внятно напомнил голос. – Ты не уложился. Теперь догадайся, что дальше. Чего молчишь?

Он не отвечал. Есть еще два дня, нет, уже полтора, но он понимал, что вряд ли что-либо изменится. Он уже сделал все что мог, или, вернее, чего не смог.

Спокойным и приятным мужским баритоном трубка продолжала:

– Долг придется отдавать. Понимаю, не хочется. Так что готовь документы. Во вторник приедем с нотариусом. Будешь подписывать.

– А если нет? – глупо спросил он.

– Не дури, – посоветовал баритон, – подумай о том, что в жизни дороже денег.

– Философ, блин! – Он нажал на «отбой» и шваркнул те-

лефон на сиденье.

Минут через двадцать он вышел из машины и зашел в дом. Там громко работал телевизор. Молодая жена лежала на диване и ела виноград.

– Привет, – бросила она.

Он кивнул и поднялся на второй этаж, в свой кабинет. С лестницы крикнул:

– Сделай потише!

Жена не услышала. Он сел за стол и стал просматривать бумаги. Ничего нельзя сделать. Ничего. Таких денег он достать не смог. Ни дом, ни машина ничего не покрывали. За все приходится платить. За все ошибки. Готов он к этому или не готов, а деваться некуда. На него навалились дикая усталость и тоска, поразила мысль о том, что он сам хочет, чтобы все поскорее закончилось. Это потом он будет думать о том, как жить дальше. Только бы на это все остались силы. И еще он подумал, что сейчас надо спуститься и объяснить-ся с женой. Это показалось ему самым невыносимым.

Телевизор продолжал греметь на весь дом, он взял пульт и выключил его. Жена оскорбленно вскочила с дивана.

– Слушай, детка, нужно серьезно поговорить, – начал он.

– Для начала тебе надо научиться уважать меня, – с пафосом произнесла она.

У него едва не вырвалось: «За что?» Он кашлянул и, глядя в окно, начал:

– Дело в том, что, ну, в общем, так повернулось – я поте-

рял бизнес. — Он замолчал, не зная, что говорить дальше. — Наступают нелегкие времена, и жизнь наша должна в корне измениться.

— Что это значит? — Она испуганно смотрела на него.

— Это значит, что я остаюсь не у дел и все наши привычки должны измениться коренным образом. Весь наш образ жизни. Я, конечно, что-нибудь придумаю, по-другому и быть не может, а пока... — говорил он уже четко и почти уверенно.

— Что значит — «пока»? А дом, а машина, а прислуга? — хрипло запричитала жена.

— В жизни все случается, — как можно мягче произнес он. — Значит, пока все будет по-другому. Ты же не всегда жила в этом доме, и у тебя не всегда была прислуга.

— Но я привыкла к этому, ты меня к этому приучил, я уже не смогу по-другому. — Она начала плакать, и он уже почти пожалел ее. — Не навсегда, а на сколько? — опять закричала она. — Мои годы бегут, кому я скоро буду нужна? Ты обманул меня!

Он подумал: бедная девочка, когда-то она была действительно бедной, из простой рабочей семьи, где считали каждую копейку и каждый кусок, где на месяц покупалась пара колготок, а куртка и сапоги донашивались за старшей сестрой. Она так старалась вылезти из этого дерьма, а он жестоко предлагает ей туда вернуться. И он опять почувствовал себя виноватым.

— А дом? Дом записан на меня, — вспомнив, взвизгнула

она. – Ты думаешь, я добровольно тебе это отдам? А моя машина? За то, что ты там что-то не просчитал, прокололся, да просто просрал, – за это что, должна платить я? Меня отсюда вынесут только вперед ногами!

– Вынесут, не сомневайся, – кивнул он. А потом чему-то удивился и тихо добавил: – Но ты же моя жена!

– А ты мой муж, и ты обязан сделать так, чтобы я ни в чем не нуждалась. – У нее была своя железная логика.

Он сел в кресло, снял очки, потер пальцами переносицу и устало повторил:

– Дом придется продать, детка. И машину купить попроще.

– А жить, где мы будем жить, на вокзале? – рыдала она.

– Зачем же так, в городе есть квартира, – напомнил он.

– Ты предлагаешь мне жить с твоей мамашей в трешке с восьмиметровой кухней? – У нее началась истерика.

Он надел куртку и вышел во двор. На скамейках и дорожках лежал первый мелкий и сухой снег. Возвышались синеватые елки, над ними простиралось прозрачное голубое небо. Он глубоко вздохнул, нагнулся, взял в ладони снег и растер им лицо.

Это даже хорошо, что все так сразу определилось. Хотя, что душой кривить, на другое он и не рассчитывал. Почти. Если уж признаться до конца себе самому. Почему-то на душе стало легче. Гораздо легче, чем всю предыдущую неделю, пока он ждал, боялся, дергался, просчитывал, надеялся

на чудо, наконец. «Все-таки ясность и отсутствие иллюзий – большое дело», – подумал он.

Потом он вывел машину за ворота и впервые понял, что ему некуда ехать. Нет, конечно, была мама и ее уютная старая квартира, где он вырос и помнил каждую трещинку на потолке, где его всегда ждут с тарелкой грибного супа и рады ему любому – пьяному, трезвому, развеселому, печальному, уставшему, больному и здоровому.

Дом, где не будет дурацких и просто лишних вопросов, где его укроют теплым старым пледом и принесут крепкий сладкий чай с лимоном. А он? Имеет ли он право нести в дом к своей немолодой и нездоровой матери себя такого? После чего будут ее бессонные ночи, тихие слезы, валокордин и трясущиеся, усыпанные старческой «гречкой» усталые руки.

Имелись еще друзья, из тех, прежних, молодых и беспечных лет, не слишком удачливые, слегка потрепанные и потерявшиеся в этом жестоком мире, у которых было полно своих нудных и неразрешенных проблем. Наверное, они немного завидовали ему прежнему – успешному и респектабельному, с молодой красавицей женой. С ними он вообще как-то разошелся в последние годы – слишком разные жизни, слишком разные проблемы. Они решали свои – как достроить дощатый дом на шести сотках и поменять восьмилетние «Жигули», а он выбирал острова для отдыха и строил на даче теннисный корт. Да и его молодой жене не о чем было

говорить с «этими старыми квочками». Она собирала свой круг, где все были из новой, благополучной и хорошо пахнущей жизни. И это его, в общем-то, устраивало. Или, скорее всего, так – ему было все равно. Новые приятели? Ну, это вообще бред. Доставить им такое удовольствие! Он усмехнулся. Оставалась гостиница, какая-нибудь тихая, семейная, за городом, где он постарается прийти в себя и отоспаться наконец за все эти безумные недели. И только после подумает о том, как ему жить дальше. Зазвонил мобильный. Он почему-то решил, что это жена, и подумал, что отвечать не будет. Но на дисплее высветился незнакомый номер.

– Это я. – Он не сразу узнал мать своего сына. – Я звоню из больницы! Мальчику плохо, я не знаю, что делать! – почти плакала она. А потом обессиленным голосом тихо спросила: – Ты приедешь?

– Адрес! – крикнул он и резко развернул машину в сторону города.

Всхлипывая, скороговоркой, она назвала ему адрес. Небо затянули низкие серые облака, и пошел мелкий колючий дождь вперемешку со снегом. Он гнал машину, быстро работали «дворники», и приговаривал: «Господи, беда не приходит одна! Воистину!» О жестокая мудрость поговорок! Хотя какие там беды по сравнению с той, что в больнице сейчас был его сын. В приемном покое он сразу увидел ее – просто-волосую, зареванную, с опухшим лицом.

Он прижал ее к себе и стал гладить по волосам.

– Успокойся, ну возьми себя в руки, что с ним? – растерянно бормотал он.

Она запричитала:

– Хирургия, хирургия, наверное, сильные боли в животе, там врачи, они решают, что делать.

И она опять громко, в голос, разревелась. Он рванул в кабинет. Там на коричневой клеенчатой кушетке лежал его мальчик – с искаженным от боли и абсолютно белым лицом.

– Сынок! – крикнул он срывающимся на фальцет голосом. – Я здесь!

– Вижу, пап, спасибо, – почти простонал его воспитанный ребенок.

Тут подскочила медсестра и стала громко верещать:

– Папаша, покиньте кабинет!

Он резко стал требовать врача. Через пару минут вышел высокий и очень молодой врач и, смущенно поправляя очки на длинном носу, пытался объяснить, что нет ничего страшного и, скорее всего, это банальный аппендицит, что, конечно, редкость в этом столь юном возрасте, но и такое бывает. Сейчас мальчика повезут на УЗИ, а потом в оперблок, и через пару часов все будет в полном порядке.

Он схватил врача за руку и тихо спросил:

– Вы меня не обманываете? Вы говорите правду?

Врач покраснел и выдернул свою руку, а потом строго сказал:

– Держите себя в рамках. Я все понимаю, но вас много, а

мне еще нужно работать.

Он смутился, часто закивал и крикнул доктору уже вслед:
– Спасибо!

Потом они увидели, как их мальчика на каталке повезли в отделение. Он слабо махнул им рукой. Они сели на жесткую кушетку рядом и притихли. Время тянулось бесконечно. Казалось, что минуты превратились в часы, а часы в сутки. Она начала сбивчиво ему рассказывать, как у мальчика заболел живот, а потом его вырвало, и он стал плакать от боли. Она то повторяла это снова, то опять начинала плакать. Он крепко сжимал ее руку. Когда появился врач, оба вскочили с кушетки и бросились к нему.

– Все нормально, все прошло удачно. Сегодня вас туда не пустят, а завтра, скорее всего, да. – Он развернулся и, не прощаясь, устало пошел обратно в отделение.

– Как он? – почти хором выкрикнули они.

Врач опять повернулся к ним и удивленно сказал:

– Все хорошо, вы что, не поняли?

Она уткнулась бывшему мужу в плечо:

– Я не уйду отсюда, никуда не уйду.

– Это глупость, – объяснял он терпеливо. Он умел взять себя в руки. – Как ты будешь здесь всю ночь? Ты только измучишь себя. Тебе надо выспаться, чтобы завтра быть в форме. Я отвезу тебя домой, а завтра заберу и привезу сюда.

Она плакала и кивала. Он надел на нее пальто, и она покорно пошла за ним. В машине они молчали. У дома она

кивнула ему:

– Спасибо!

– За что, дурочка ты, – удивился он. – Иди, завтра я в девять у тебя.

Он ехал в гостиницу, думая о том, какая это все ерунда, все его ничтожные дела. Все это чушь и тлен. Важно только одно – чтобы у мальчика сейчас было все нормально. Вдруг он понял, что страшно голоден, и увидел перед собой «Макдоналдс», который так любил его сын. Он зашел туда и заказал два самых больших бургера, две картошки, пирожок и колу. Раньше он никогда не ел эту еду. Сейчас она показалась ему восхитительной. Такого удовольствия он не получал даже, кажется, от устриц.

Она зашла в квартиру и везде включила свет. Дом без мальчика казался чужим и враждебным. Потом она долго стояла под горячим душем, выпила чаю и легла в кровать. «Боже, – подумала она, – сколько прошло лет, сколько боли и слез, сколько обид и претензий друг к другу, у него совершенно другая, параллельная жизнь! А я все еще люблю его, как глупо и нелепо, наконец. Ведь мне уже тридцать семь, а я и думать не могу ни о ком другом. Разве не пробовала? Идиотка, дура набитая! Сама сбежала. А разве можно было так жить? С этим эгоистом, упрямым, принимающим только свое мнение и свою точку зрения. Жестким и жестоким порой. Таким чужим и таким родным».

Потом она вспомнила свои романы – дурацкие и корот-

кие, которые заканчивались всегда только по ее вине, потому что никто и никогда так и не сумел занять его место. Она вставала, бродила по квартире, опять пила чай, сидела в комнате сына, а потом усталость все же свалила ее, и под утро она уснула.

Он приехал в маленькую знакомую гостиницу за городом, попросил чаю, посмотрел новости и решил, что надо быстро уснуть – завтра тяжелый день. У него получилось – заснул он почти сразу. Утром, когда он подъехал к ее дому, она уже стояла у подъезда – сосредоточенная, бледная, с плотно сжатыми губами. До больницы доехали молча, а там она опять заметалась, и он пошел искать палатного врача. Врач строго сказал, что пустит одну мать, да и то ненадолго. Она была счастлива и этому.

– Езжай, у тебя ведь дела, – уговаривала она. – А я посижу здесь, пока не выгонят.

– Я не уеду, – отрезал он.

Она удивилась, пожала плечами. Разве он мог объяснить ей, что ехать ему некуда и не к кому, да даже и не в этом дело. Просто он четко понимал, что его место сейчас здесь, рядом с ней и сыном. От мальчика она вышла спустя час, успокоенная и даже чуть улыбнулась ему.

– С ним все в порядке, он заснул. Уже завтра его можно будет покормить – кашу, тертое яблоко, – объяснила она. – Поедем? – Она дотронулась до его руки.

– Тебя домой? – спросил он.

– Только не домой, там я сойду с ума. Выкинь меня где-нибудь в центре. Пошатаюсь по улицам, зайду в магазин, только бы не быть дома одной.

– Возьми меня с собой, – тихо попросил он.

– У тебя что-то случилось? Что-то серьезное? Не лги, я же чувствую, я тебя знаю. Можешь не говорить ничего, только скажи, что я права и что это не опасно для жизни.

Он внимательно посмотрел на нее, раздумывая несколько минут, а потом кивнул и четко произнес:

– Случилось. Моей жизни ничто не угрожает. Это не опасно. – И добавил: – А может, даже и наоборот.

– Что – «наоборот»? – не поняла она.

– Не опасно, а, скорее всего, полезно, – усмехнулся он.

– Так бывает? – удивилась она.

– А я и сам не предполагал, но бывает, – кивнул он.

Они прошли всю длинную Тверскую пешком, зашли в книжный, что-то обсуждая, купили книги, потом еще альбом и фломастеры мальчику. Потом, проголодавшись, ели горячую пищу с тягучим и острым сыром, долго пили кофе за столиком у окна. А к вечеру, когда они подъехали к ее дому, она сказала ему: «Спасибо тебе за все» – и, не прощаясь, вышла из машины. Он постоял еще минут двадцать у подъезда, посмотрел, как зажглись окна в ее квартире, развернулся и поехал за город, в свое временное пристанище.

На следующий день он встречался с теми людьми, номер которых не определялся на мобильнике и которые опреде-

лили его судьбу. Все произошло быстро и просто. Это создавать и созидать было невыносимо долго и трудно, а потерять оказалось неправдоподобно легко. Всего пару часов. Вечером он поехал в больницу и передал мальчику книгу – последнего «Гарри Поттера». В палату его уже не пустили. Он позвонил ей, и она долго и подробно рассказывала ему о сыне – о том, что он говорил, сколько спал и что съел на обед. Он слушал и улыбался.

– Послезавтра, даст бог, выпишут. Ты нас забереешь? – спросила она.

– Это не обсуждается, – ответил он.

Накануне выписки она долго и тщательно прибирала квартиру, сварила курицу и клюквенный кисель для мальчика. Утром надела лучший выходной свитер и легкие, не по погоде, сапоги на высоком каблуке.

Он ждал ее внизу в машине. Она села и увидела букет ее любимых тюльпанов – желтых и фиолетовых.

– Это мне? – удивилась она.

Он кивнул:

– У нас же сегодня праздник.

Она промолчала. Мальчик вышел бледный и похудевший. Увидев их рядом, он счастливо разулыбался и взял обоих за руки. В машине он не умолкал ни на минуту, рассказывая о том, как он хочет есть, как соскучился по своей комнате и по компьютеру и даже по своей кровати с Микки-Маусами. Потом он рассказывал про врачей – кто добрый, а кто злой,

про новообретенных больничных приятелей и про «вредные и болючие уколы». У дома он спросил отца с надеждой:

– Пап, ты зайдешь?

– А куда я денусь, – смущенно сказал отец.

– Я покажу тебе новые рисунки, – обрадовался мальчик.

Дома они съели курицу, выпили чаю, и он ушел с сыном в его комнату. Она осталась на кухне. Когда он стал надевать в коридоре пальто, сын еще что-то возбужденно щебетал, крутясь возле него. Она вышла в коридор и попросила сына оставить их наедине. Мальчик ушел к себе, плотно закрыв в комнате дверь.

– Тебе некуда идти? – тихо спросила она.

Он молчал.

– Хочешь, оставайся, я лягу в детской.

Он отрицательно покачал головой и вышел из квартиры. Она закрыла за ним дверь и бессильно прислонилась к ней спиной. Зачем, зачем она это сказала, какой бред, бредовее ситуацию и представить невозможно. Стыдно как, господи, и нелепо. Что ты себе придумала, старая дура, что уже успела насочинять?

Она ушла к себе в комнату и, не раздеваясь, легла на кровать. От усталости за все эти дни она быстро уснула, и разбудил ее звонок в дверь. Посмотрела на часы – было около часа ночи. Она быстро вскочила и испуганно бросилась к двери, в глазок увидела его. Несколько секунд она стояла у двери – бешено стучало сердце. Потом открыла. Он долго смотрел

на нее, а потом смущенно кашлянул и спросил:

– Приглашение еще в силе? В смысле предоставления спального места?

– Рассматривается только долгосрочная аренда, – отозвалась она и пропустила его в коридор.

Алик

Соседей, как и родственников, не выбирают. Хотя нет, не так. С несимпатичными родственниками ты можешь позволить себе не общаться, а вот с соседями – хочешь не хочешь, а приходится, если только совсем дело не дойдет до откровенного конфликта. Но мы же интеллигентные люди. Или пытаемся ими быть. Или хотя бы казаться. Да еще есть такие соседи, от которых никуда не деться. В смысле, не спрятаться. Особенно если вы соседи по даче, участки по восемь соток и у вас один общий забор. В общем, секс для бедных.

Хозяин дома, Виктор Сергеевич, отставник, человек суровый и прямой, был категоричен и считал, что с соседями точно не подфартило. А вот его супруга Евгения Семеновна, женщина тихая и интеллигентная, учительница музыки, была более терпима и к тому же жалостлива, впрочем, как почти любая женщина.

Теперь о том, кого она жалела.

Соседская семья состояла из четырех человек: собственно хозяйка, глава семьи и рулевой Клара Борисовна Брудно, мать двоих детей и женщина практически разведенная, но об этом позже; двое ее детей – сын Алик и дочка Инка; и престарелая мать, Фаина. Без отчества. Просто Фаина.

Теперь подробности. Клара была женщиной своеобразной. Крупной. Яркой. Шумной. Все это мягко говоря. Если

ближе к реалиям – то не просто крупной, а откровенной толстухой. Объемным было все – плечи, руки, грудь (о да-а!), бедра, ноги, живот. Все – с излишком. Яркой – да, это правда. Лицо ее было преувеличенно рельефным – большие, темные, навывкате глаза, густые брови, мощный, широкий нос и крупные, слегка вывернутые губы. Все это буйство и великолепие обрамляли выющиеся мелким бесом темные и пышные волосы, которые Клара закручивала в витиеватую и объемную башню. Дополнялось все это яркой бордовой помадой и тяжелыми «цыганскими» золотыми серьгами в ушах. Полные руки с коротко остриженными ногтями, на которых толстым и неровным слоем лежал облупившийся лак. Одевалась она тоже – будьте любезны: в жару тонкое нижнее трико по колено, розовый атласный лифчик, сшитый на заказ (такие объемы советская промышленность предпочитала не замечать), а поверх всего этого надевался длинный фартук с карманом. Если спереди вид был куда-никуда, то когда Клара поворачивалась задом... Картинка не для слабонервных.

Хозяйка она была еще та – к мытью посуды приступала, только когда заканчивалась последняя чистая тарелка или вилка. А обед она готовила так: в большую, литров шесть, кастрюлю опускала кости, купленные в кулинарии по двадцать пять копеек за кило. Это были даже не кости, а большие и страшные мослы, освобожденные от мяса почти до блеска. Они вываривались часа три-четыре, потом щедрой рукой Клара кидала в чан крупно настроганные бруски картошки,

свеклы, моркови и лука. В довершение в это гастрономическое извращение всыпалась любая крупа: гречка, пшено, рис – все, что оказывалось в данный момент под рукой. Этот кулинарный шедевр Клара называла обедом. Готовился он, естественно, на неделю. То же страшноватое варево предлагалось заодно и на ужин. Хлеб, правда, что на обед, что на ужин, резался щедро, крупными ломтями – батон белого и буханка черного.

По выходным (читай, праздник) делалась немыслимая по размеру яичница – праздник для детей, но и это нехитрое блюдо Клара умудрялась испортить, добавляя туда отварную картошку и вермишель. Хотя понять ее было можно – все постоянно хотели есть, особенно старая Фаина. Фаина эта вообще была штучка – крошечная, сухонькая, с тощей седой косицей, в которую непременно вплеталась сеченная по краям мятая атласная ленточка грязно-розового цвета, тоже видавшая виды. Считалось, что Фаина занимается огородом – Клара ее называла Мичуриным. Действительно, она маячила на участке весь световой день – что-то перепалывала, рыхлила, пересаживала. Не росло ничего. Даже элементарный лук вырастить не получалось, не говоря об огурцах, редиске и прочем. Потом она додумалась удобрять свое хозяйство отходами человеческого организма, помешивая весь этот ужас длинной палкой в старой жестяной бочке. Но тут не выдержала даже спокойная Евгения Семеновна и попросила прекратить эти опыты. Примерно в час дня Фаина взывала к со-

вести дочери и требовала обед.

Клара громко возмущалась:

– Такая тощая, а столько жрешь!

Фаина оправдывалась:

– Я же занимаюсь физическим трудом.

– Ха! – громогласно, участков эдак на пять, восклицала

Клара. – А где результат твоего труда?

Домочадцев она называла иждивенцами, правда, о каждом говорила с разной интонацией. О Фаине – с легким презрением и пренебрежением, о сыне Алике – гневно и почти с ненавистью, а о дочке Инне – с легкой и нежной иронией.

Инну, довольно хорошенькую, молчаливую и туповатую кудрявую толстушку, Клара обожала, это была ее единственная и ярая страсть. На улицу, где шла вольная жизнь местных детей, девочка выходила молча, бочком, на велосипеде не каталась, в салки и казаки-разбойники не играла, тихо посапывая, сидела на бревне и жевала горбушки, распиханные по многочисленным карманам грязноватого сарафана. Брата ее Алика тоже всерьез особо не принимали – тощий, носатый, с вечными соплями, хлюпающий ханурик в сатиновых трусах. Ни толку от него, ни проку. Но его жалели, не гнали и, всегда неохотно вздыхая, брали в игру. Клару, конечно же, осуждали. Два родных ребенка – и такая разница в отношении! Допустим, бывают у матери любимчики, хотя это странно, но факт – бывают. Но чтобы одного ребенка так откровенно, не стесняясь, лелеять, а второго, мягко говоря, не замечать!

Впрочем, все они там были с большими прибабахами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.